

★ А ★ Н ★ Д ★ Р ★ Е ★ Й ★

ТАЛАНТ

КРЫСА

УЛАНОВ

★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★

На всех хватит!

ЭКСМО

Однажды на Диком западе

Андрей Уланов

На всех хватит!

«Автор»

2004

Уланов А. А.

На всех хватит! / А. А. Уланов — «Автор», 2004 — (Однажды на Диком западе)

Все началось с того, что я стоял за прилавком книжного магазина и пытался продать очередную «тоже фантастическую» книгу очередному покупателю. Покупатель оказался въедливым и, ткнув ногтем в полуодетую красотку на обложке, ехидно спросил: «Что, в этой книге и вправду есть... э-э... связанная обнаженная девушка?» Поскольку книги я не читал, то дать утвердительный ответ не решился. Так что, сев за написание этой книги, я решил подстраховаться – в ней подобная девушка есть. Их даже две... так, на всякий случай. Автор

© Уланов А. А., 2004

© Автор, 2004

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Кристофер Ханко,	6
Бренда Карлсен,	11
Глава 2	19
Кристофер Ханко,	19
Патрик Мигер,	25
Кристофер Ханко,	28
Глава 3	35
Ыыгыр Ойхо Третий,	35
Кристофер Ханко,	37
Глава 4	43
Иллика аэн Леда,	43
Бренда Карлсен,	51
Глава 5	55
Иллика аэн Леда,	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Андрей Уланов

На всех хватит!

*Посвящается Элли,
для которой и было придумано*

От автора

Все началось с того, что я стоял за прилавком книжного магазина и пытался продать очередную «тоже фантастическую» книгу очередному покупателю. Покупатель оказался въедливым и, ткнув ногтем в очередную же полуодетую красотку на обложке, ехидно спросил: «Что, в этой книге и вправду есть э-э... связанная обнаженная девушка?»

Поскольку книгу я не читал, то дать утвердительный ответ не решился – ибо если просто обнаженные дамы в «тоже фантастике» присутствуют почти наверняка, то связывают их не всегда. А отсутствие на героине хотя бы в одном эпизоде веревок, цепей и прочих оков данный въедливый господин вполне может счесть поводом для обращения в Союз защиты прав потребителей.

Так что, сев за написание этой книги, я решил подстраховаться – в ней подобная девушка есть. Их даже две... так, на всякий случай.

Глава 1

Кристофер Ханко, охотник за эдельвейсами

Проснулся я из-за того, что какая-то сволочь полоснула по моим глазам эльфийским клинком.

Гады. А я ведь предупреждал, что будить меня опасно для здоровья. Ну ничего, вот еще минутку... еще пять минуток подремлю, а потом эти несчастные эльфы пожалеют, что родились. Разлепив наконец веки, я обнаружил, что никакого клинка нет, зато есть луч утреннего солнца, пробившийся сквозь опущенные занавески и не утративший при этом режущих способностей. А еще была головная боль.

Причем на редкость противная. Самым неприятным в ней было то, что я абсолютно не представлял, откуда она взялась.

Если бы дело происходило в походе, можно было бы предположить, что я проглотил за ужином кого-нибудь не того – хотя в этом случае логичнее было бы болеть животу – или развел неправильный костер. Но я лежал в мягкой и удобной кровати на втором этаже салуна «Одноглазый эльф», и хотя за Фредди, конечно, водилось множество грешков, но отравленных клиентов, насколько я помнил, пока не числилось.

Больше всего эта боль была похожа на очень гнусное похмелье. Но, во-первых, Фредди никогда не позволит себе выставить ослиную мочу, а, во-вторых, я вообще не пью. Так, пропущу иногда пару стаканчиков, но напиваться как орк – не вижу смысла. В жизни есть куда более приятные занятия.

В этот момент в правом виске раздалось особенно гулкое тупанье. Я застонал и повернулся на бок. Боль пропала. Это произошло так неожиданно, что я едва не свалился с кровати.

Ничего не понимаю. Я сел, осторожно потряс головой, попытался зевнуть – спать совершенно не хотелось – и попробовал прилечь обратно на подушку. Боль моментально вернулась с удвоенными силами.

Ага. Значит, на подушке она есть, а в других местах – нет. Интересно.

Я слез с кровати, завернулся в одеяло, вытащил из-под матраса свой «Тигр» и начал перетряхивать всю постель сверху донизу, не совсем, правда, представляя, что именно я ищу. Но нашел.

Находка моя представляла собой деревянный амулетик для наведения порчи – дрянная дешевка, какую можно купить у любого гоблинского шамана по полдайма¹ за дюжину.

Амулетик был приклеен к днищу кровати со стороны изголовья. Приклеен, впрочем, тоже некачественно – стоило мне до него дотронуться, как он тут же упал.

Я выудил деревяшку из-под кровати, сдул с нее пыль и задумался.

Самая жуткая вещь, которую может вызвать подобный амулетик, – приступ кариеса. Ну, в крайнем случае, цинги, если вы разделяете в еде пристрастия стервятника. И всех проблем – сходить к доктору и заговорить больной зуб.

Уверен, что никто из моих друзей – а их не так уж много – не имеет склонности к шуткам такого низкого пошиба. С другой стороны, враги – а их тоже не легион, хотя и больше, нежели мне хотелось бы, – вряд ли стали бы размениваться на мелкие пакости. Убить – другое дело, но никак не меньше.

¹ Дайм (dime) – монета в 10 центов. (Здесь и далее примеч. автора.)

Оставалось предположить, что эта дрянь досталась мне в наследство от предыдущего постояльца. А раз так – можно потребовать от Фредди урезать плату за постой. В конце концов, проверка комнаты «на вшивость» входит в счет.

Придя к этому утешительному выводу, я выпутался из одеяла, побрызгал на себя водой из умывальника, оделся. По привычке осмотрел комнату, хотя все ценное надежно покоилось в нескороаемом шкафу в подвале салуна, и вышел.

Со времен моего последнего визита сюда в архитектуре второго этажа появилось одно новшество, на которое я вчера вечером в темноте не обратил внимания. На стене в конце коридора теперь находилось зеркало. Небольшое, овальное, в вычурной бронзовой рамке, оно бы куда лучше смотрелось в гостиной над декоративным мраморным камином.

Последний раз я любовался на свою заросшую трехнедельной бородой рожу в каком-то пещерном озерце. А в зеркала не смотрелся уже, пожалуй, больше года – они в городке были наперечет.

На этот раз из зеркала на меня взглянул вполне обычный молодой человек. Черные волосы, серые глаза – вообще-то они у меня карие, но одно весьма полезное заклинание в качестве побочного эффекта изменило их цвет, – бело-синий шейный платок с эльфийским орнаментом и темно-синяя суконная рубашка. Рубашка, как я подозревал, была украдена с какого-то армейского склада и неисповедимыми путями очутилась на полке лавки Полосатого Джо. К сожалению, в зеркале не было видно пояса с кобурой, из которой эффектно маячила рукоятка шестизарядного «Тигра» фирмы «Гномиш армз» и новомодные брюки с заклепками от Леви Страусса. А жаль. Я подмигнул своему отражению и спустился вниз.

Фредди – шесть футов и пять с четвертью дюймов его темно-зеленой пупырчатой шкуры – уже открыл двери салуна и занял свою позицию за стойкой. При виде меня он радостно осклабился.

Некоторые непонятливые новички при виде Фредди, особенно улыбающегося Фредди, отчего-то начинают удивляться – что делает тролль в салуне под названием «Одноглазый эльф», на что старожилы, вроде меня, вполне резонно отвечают, что горбатый тролль ничем не хуже одноглазого эльфа.

Кроме Фредди в салуне еще почти никого не было. Только за угловым столиком какая-то личность в гордом одиночестве пыталась загипнотизировать кружку. Судя по небольшому росточку и по манере прятаться в темноту, это был гном-переросток.

– Доброе тебе утро, – сказал я, подходя к стойке.

– Как всегда? – осведомился тролль.

– Ага, – кивнул я и выложил на стойку амулетик.

Фредди запустил свою лапищу под стойку и добыл поднос, на котором явно не без помощи колдовства обнаружились яичница с ветчиной, кусок пирога и большая кружка кофе. Запахи были потрясающие.

– Извини, – пробасил Фредди, ставя поднос на стойку и сгребая амулетик свободной лапой. – Не заметил.

Раздался тихий треск, и из сжатого кулака Фредди выскользнуло облачко зеленоватого дыма. Тролль разжал кулак и стряхнул на пол горсть трухи.

– Так можно и бородавку заработать, – сказал я.

– Тебя тут искали.

Кусок ветчины замер на полдороги к моему рту.

– Кто? Все же знают, что я не работаю.

Я только позавчера вернулся из одной весьма прибыльной и даже не очень рискованной экспедиции, итогом которой было то, что два профессора-ботаника из Европы стали обладателями трех ростков красного эдельвейса, который, по их мнению, растет только на могилах древних эльфийских королей, ну а я стал владельцем четырех сотен полновесных американ-

ских долларов. Человек я добрый и не стал, получив деньги, объяснять профам, что, во-первых, в Америке никогда не было эльфийских королей, а, во-вторых, красный эдельвейс растет на их могилах потому, что его там сажают. Вообще-то он растет в горах.

И теперь, до тех пор, пока этим четырем сотням не придет конец, я намеревался валяться в мягкой кровати, читать Жюль Верна и Ницше, три раза в день питаться у Фредди и каждый вечер принимать горячую ванну. А в перерывах между этими занятиями предаваться ничегонеделанию.

Троль пожал плечами.

– Мое дело – сказать. А спрашивать будешь сам.

С этими словами он ткнул во что-то за моей спиной.

Я развернулся в указанном направлении и обнаружил, что Фредди указывал на тот самый темный угол, где находилась темная личность. На этот раз я смотрел внимательнее и разглядел больше.

Это была невысокая бледная девушка, старательно закутавшаяся в серый плащ с капюшоном. Возможно, полуэльфийка или гномка, хотя и не обязательно – невысокие люди иногда появляются и без помощи других рас. Впрочем, все реже и реже.

Я подхватил поднос и двинулся к столику, дожидаясь на ходу ветчину.

– Мне сказали, что вы кого-то ищете?

Девушка посмотрела на меня довольно возмущенно – очевидно, там, откуда она прибыла, не было принято садиться к даме за стол без приглашения, а уж тем более плюхаться, как это сделал я.

– Я разыскиваю мистера Ханко.

– Мистер Кристофер Ханко – это я.

Глаза у нее немного потеплели. Странные, кстати, глаза, довольно непонятного... я моргнул, сосредоточился, и они на миг полыхнули краснотой.

Вот, значит, как. Вампир. Точнее, вампирка.

Нельзя сказать, чтобы я сильно удивился. У нас здесь, как-никак, Пограничье. Одних оборотней не меньше, чем койотов. До тех пор, пока ты соблюдаешь определенные правила, всем плевать, что или кого ты соседишь в своей хижине. Другой вопрос, что вампирам с трудом удается держать себя в этих рамках – последнего здешнего кровососа три года назад отправили в его же собственном гробу в плавание по озеру, возложив при этом на крышку связку динамита. Рыбы, говорят, остались весьма довольны.

– Мне сказали, что вы хороший проводник.

– Поправка. Я вхожу в двадчатку лучших проводников Пограничья. И на данный момент в этом городке я – самый лучший. До тех пор, пока не вернется Барсов, а это случится не раньше чем через пять дней. Но я не работаю.

Одно из немногочисленных преимуществ избранного мной способа зарабатывать на жизнь – не я бегаю за работой, а работа бежит за мной.

– Мне нужно попасть в глубь Запретных Земель.

Ну вот. Начинается.

Исключительно из чистого любопытства я задал еще один вопрос:

– И сколько же вы собираетесь мне заплатить?

– Я надеюсь, – заявило бледное создание, – что пятидесяти фунтов будет достаточно?

Это было даже не смешно.

– Послушайте, мисс-как-вас-там...

– Можете называть меня леди К.

– Нет уж. К. – это я. Кристофер, не забыли. Так вот, уважаемая мисс леди М. Меньше чем за пятьсот фунтов ни один хороший проводник даже разговаривать с вами не станет. А плохой проводник – это далеко не самый приятный способ самоубийства.

Похоже, вампирка слегка растерялась.

– Но у меня только сто семьдесят фунтов. Векселем Сити-банка.

Час от часу не легче. Ближайшее место, где можно реализовать вексель лондонского банка, самую малость поближе Лондона. Один проезд станет в половину суммы.

– Хотите бесплатный совет? Возвращайтесь в свой склеп и забудьте о том, что вас сюда привело.

– Я не могу. Это старый долг, и он...

– Если он такой старый, – заметил я, – то вполне может подождать еще сотню-другую лет.

По-моему, она хотела сказать еще что-то. Но смолчала. Нацепила на нос противосолнечные очки и вышла из салуна.

Я доел свой пирог, запил его кофе и, сам не знаю зачем, заглянул в ее кружку. В кружке был морковный сок. По-моему, она к нему даже не притронулась.

* * *

Когда я вышел на улицу, солнце уже поднялось довольно высоко. Пришлось добыть собственные очки – большие, не дающие бликов и, как следствие, очень дорогие. Что поделать – за хорошие вещи приходится платить.

Для начала я собирался зайти на почту. Почта находится в здании вокзала, а вокзал, в свою очередь, представляет собой конечный пункт однокорейки, по которой к нам раз в неделю приходит пара вагонов всяческого барахла, газеты второй свежести и примерно треть неприятностей. Остальные две трети приходят к нам пешком.

За те семь лет, что я провел в Пограничье, шесть железнодорожных компаний пытались проложить новую ветку в Запретные Земли. Все они обанкротились через пару месяцев, и вот уже больше года новых дураков не находилось. Похоже, седьмая сочла за лучшее заняться поисками Северо-Западного прохода. Так что в ближайшее время мы по-прежнему будем оставаться последним форпостом так называемой человеческой цивилизации. А с Западного побережья на Восточное придется добираться через Магелланов пролив.

Я вошел на почту, вежливо поздоровался со всеми присутствующими в лице нашего почтмейстера Енота Вилли и трех десятков сонных мух, выбрал скамейку почище и, вооружившись тремя кипами газет, начал приобщаться к новостям извне.

– Сеньор Ханко?

Я как раз с интересом начал изучать речь Бена Дизраэли, которую зачем-то перепечатала нью-йоркская «Таймс» из лондонской, и этот тип – кто бы он ни был – прервал меня на самом интересном месте.

– Да, это я.

Странный сегодня день.

– У меня к вам одно маленькое дельце.

Я опустил газету и посмотрел на человека, который уже после двух произнесенных им фраз начал мне очень не нравиться.

Загорелый чернобородый человек, одетый в дорогой костюм европейского покроя. По-английски говорит почти без акцента. То ли мексиканец, долго живший в Европе, то ли испанец, долго живший в Мексике.

Гораздо больше мне не понравились два мрачных типа, маячивших за его спиной.

В Пограничье не возят своих подонков. Выгоднее нанять их здесь – это дешевле, и, кроме того, они знают местные условия. У привозных бандитов обычно возникают трудности с акклиматизацией.

А маленькие дельца обычно оборачиваются большими неприятностями.

– Я вас слушаю.

– К вам сегодня обращалась одна сеньора.

– Я ей отказал, – сообщил я и потянулся за газетой.

– Я знаю, – кивнул тип. – Сейчас она договаривается с неким сеньором Хорьком.

Я хмыкнул и отложил газету обратно.

Черный Хорек ленив почти так же, как я. Правда, он трусливее меня, намного жаднее, а главное – он не умеет готовить. Но дело не в этом. Чтобы Черный Хорек взялся за дело без предоплаты, ему надо посулить действительно много. Впрочем, я всегда знал, что он дурак.

– И?

– Я был бы вам крайне признателен, сеньор Ханко, если бы вы сейчас явились к...

– Леди М.

– К упомянутой вами сеньоре и сообщили ей, что согласны работать на ее условиях. А я, в свою очередь, готов компенсировать все понесенные вами в этом случае издержки.

– У меня почему-то возникает чувство, – начал я, – что, если я приму ваше предложение, мне не надо будет вести ее очень уж далеко.

Тип как-то странно посмотрел на меня.

– Вы проницательны, сеньор Ханко. Слишком проницательны.

– Если не секрет, – спросил я. – Что это за дело, для которого вам так срочно понадобились проводники?

– Увы, уважаемый сеньор, – поклонился тип, – это я вам открою только в том случае, если вы согласитесь на мое предложение.

У меня возникло странное ощущение, что тип с превеликим трудом удерживается от того, чтобы придушить меня на месте. А удерживается он исключительно потому, что я ему невероятно, позарез нужен.

– К сожалению, сеньор...

– Сангре. Дон Педро Сангре.

Ну и фантазия у этого дона.

– Должен вам ответить то же, что и леди М. Я не работаю.

– Очень жаль, сеньор Ханко. Очень жаль.

С этими словами тип развернулся и покинул помещение почты. Оба бандитос потянулись следом.

Я аккуратно сложил газеты в стопку и задумался.

Дело пахло все хуже и хуже. В мире есть только три вещи с подобным запашком. Политика. Магия. Деньги.

Представлялось весьма маловероятным, чтобы наше захолустье вдруг ни с того ни с сего стало ареной политических баталий. Власть в Запретных Землях принадлежит тем, кто там живет, что бы ни думали по этому поводу господа в Вашингтоне.

Деньги? Я не знал, насколько остро стоят у вампиров финансовые проблемы, но дон Педро в деньгах явно не нуждался. Или нуждался, но в очень больших. Я достаточно навидался подобных людей. Деньги для них не цель, а средство.

Остается магия. Вполне логично – чего-чего, а этого добра в Запретных Землях предостаточно.

И единственное, чего я в этот день так и не смог понять, – за каким чертом я, выйдя из почты, направился обратно в салун, подошел к стойке и тихо спросил у Фредди:

– Зеленый, у тебя случайно нет на примете пары надежных ребят, которые согласились бы рискнуть своей шкурой и не содрали бы при этом последнюю с меня?

Бренда Карлсен, охотница за вампирами

Полдень. Пыль, жара, вокруг каменистая пустыня с редкими кактусами, а над головой – солнце, похожее на пылающий косматый клубок. От такого пейзажа и свихнуться-то можно запросто, а уж навязчивые мысли в голову лезут, прямо как мухи на покойника.

Меня, например, уже третий час преследовали мысли о ванне. Большой, нет, огромной ванне, полной горячей воды и чтобы пена переваливалась через край. Упасть в нее, да так, чтобы только нос наружу торчал, и блаженствовать.

Наконец, когда это видение стало совсем невыносимо, я потянулась за флягой, откупила ее, сделала пару глотков, а остаток воды выплеснула на лицо, смывая застывшую маску пота и грязи. Сразу стало легче.

Правда, я осталась без воды, но, по моим расчетам, до деревни оставалось не больше пары миль, и на горизонте уже виднелось что-то зеленое. А где зелень, там и вода.

Еще у меня оставался ирландский бренди, которым меня снабдил местный священник, отец О'Райли. Хороший человек этот священник, и мне он нравился – даже несмотря на то, что именно ему я была обязана этой работой. В конце концов, не будь ее, меня бы загнали в другую адскую дыру, которыми изобилует эта чертова страна. Ибо иерархи церкви очень не любят, когда я и мне подобные начинают шляться без дела вокруг собора в Мехико. Меня же они недолюбливают особенно – считают, что мой вид, видите ли, плохо влияет на паству. Наверное, так оно и есть.

Зато с О'Райли мы сразу же нашли общий язык, даром что я никогда не видела Зеленого Эрина. Ирландцы вообще приятные ребята, это подметили еще мои предки-викинги. Например, у них всегда найдется при себе хорошая выпивка – мне еще не встречался ни один ирландец без заветной фляжки. Держу пари, они и в аду умудряются припрятать глоточек-другой, дабы выпить в день Страшного суда за торжество Всевышнего.

От приятных воспоминаний о прошлом вечере меня оторвал звук, донесшийся из-за поворота. Кто-то долбил землю мотыгой – яростно, исступленно. Будь это в Техасе, я бы непременно решила, что копают могилу, причем злейшему врагу, чтобы успеть до захода солнца поплясать на ней.

Похоже, у Морганы возникли схожие мысли, потому что она вдруг замедлила шаг и, мотнув головой, вопросительно покосилась на меня.

– Спокойно, лошадка, – прошептала я, слегка похлопав ее по шее. – Сейчас мы завернем и посмотрим, кто это так шумит.

Сразу за поворотом начиналось небольшое поле, вскопанное едва ли на треть. Собственно, полем я назвала его из вежливости – скорее эта окаменевшая земля походила на подготовленную к промывке породу. Ее-то и долбил столь яростно человек в грязно-белой дырявой рубашке и таких же штанах. Крестьянин, или, по-местному, пеон.

Не люблю крестьян. Мысль о том, что я могла бы стать одной из них, собственностью подобной скотины, до сих пор вызывает у меня холодную дрожь. А ведь если бы не то пьяное животное – мой отчим, – я могла бы так и не решиться бежать из своей родной, трижды проклятой и забытой всеми богами деревушки. И была бы сейчас похожа на корову с вечно полным пузом, с кучей сопливых детишек, цепляющихся за подол корявыми руками. А уж лицо... пусть Тереза и говорит, что я уродую свою кожу солнцем и ветром, что мне необходимо регулярно делать маски, втирать масла и прочие кремы – сто против одного, что мои младшие сестренки по сравнению со мной выглядят форменными старухами.

До сих пор мой самый зловещий кошмар – это не вампиры, не оборотни, не ожившие мертвецы и даже не та тварь из старой пирамиды, едва не утащившая меня напрямик в пре-

исподнюю, а утро на ферме, мычание недоеной скотины, запах гари от печи – и надо идти во двор, кормить птицу. От таких снов я просыпаюсь в холодном поту, сжимая рукоятку револьвера под подушкой – и на пару следующих ночей стараюсь затащить к себе в постель какую-нибудь грелку с приятным запахом изо рта.

Пеон был так увлечен своей работой, что не услышал моего приближения до тех пор, пока я не оказалась почти рядом. Только тогда он выронил мотыгу и, разинув рот, испуганно уставился на меня.

– Буэнос диас, – я всегда стараюсь вначале быть вежливой с людьми. Путь даже по ним сразу видно, что они этого не заслуживают.

– Э-э... буэнос диас, сеньор гринго.

Тень от моей шляпы падала ему под ноги, так что ему я должна была казаться чем-то вроде всадника Апокалипсиса – на вороной лошади, в длинном сером плаще и серой же шляпе на фоне огненного сияния. Разглядеть черты лица при такой подсветке сложно. Интересно, почему он не надел свое сомбреро, а бросил его на краю поля? При таком солнцепеке мозги закипят через три часа, а еще через пару – спекутся не хуже маисовой лепешки. Отличное блюдо для любителей человечинки – запеченные мозги, с корочкой.

– Далеко до деревни?

От моего голоса пеон вздрогнул и еще шире распахнул рот, из уголка которого тут же потянулась тоненькая нить слюны.

– Ы-ы.

Ну точно, спекся. Кретин.

– Деревня, – как можно разборчивее сказала я. – Эль-Экстинто. Далеко до нее?

С испанского «эль-экстинто» переводится как «потухший», но здесь, в Мексике, это слово имеет еще и второе значение – покойник, мертвец. Поди угадай, что имели в виду местные, давая своему поселению такое название?

– Э-э, сеньора...

Да, да, тупица, я – сеньора! Долго ты еще будешь обдумывать этот факт?

– Деревня в двух милях отсюда, – собрался, наконец, с остатками мыслей пеон. – Во-он там, – сообщил он, сопроводив свои слова взмахом руки.

Я развернулась в указанном направлении и окинула критическим взглядом каменную осыпь, через которую могла бы, пожалуй, перебраться какая-нибудь коза, но никак не Моргана.

– А разве дорога не ведет в деревню?

На этот раз он задумался надолго. Меня так и подмывало достать из нагрудного кармашка свои новые часики и демонстративно уставиться на них. Боюсь только, что это... существо отнюдь не оценило бы этого жеста, а, скорее, начало пялиться на новую блестящую игрушку, окончательно позабыв обо всем на свете.

– Дорога... длиннее, – пеон ронял слова с таким трудом, словно они были золотыми, опускаемыми в кружку нищего у ворот храма. – По ней ездят солдаты... бандиты... сборщики налогов. Мы не пользуемся ею.

Типично крестьянский ответ. Будь их воля, они бы вообще перепахали эту дорогу, чтобы прекратить поступление из большого мира всяческих неприятностей и соблазнов.

Помнится, один из моих друзей, аббат-бенедиктинец, объяснял мне, что практически любая деревня представляет собой замкнутый на себя мирок, микрокосм. Поскольку произносил он эту речь, будучи в ночной рубашке и держа в одной руке бокал с вином, а во второй – куриную ногу, эффект от речи получился смазанным. Но слово «микрокосм» я запомнила.

Крестьяне...

– Мучас грасиас, – сказала я, берясь за поводья, чтобы развернуть Моргану обратно к дороге.

– Си, сеньорита.

При чем тут «да»?

Я отъехала сотни на три ярдов, обернулась – он все еще стоял с раскрытым ртом и смотрел мне вслед.

Не люблю крестьян.

* * *

Деревня выглядела так же, как и большинство виденных мной до сих пор мексиканских деревушек: колодец в центре – одна штука, широкая пыльная улица, по совместительству исполняющая обязанности площади, – одна штука, обязательная церквушка, местами начавшая осыпаться, и несколько десятков хижин, считать которые мне было просто-напросто лень. Ах да, жители – ни души. Словно вымерли.

Этот вариант отнюдь не был самым невероятным – учитывая цель моего приезда, но поверить в него мешало отсутствие некоторых обязательных атрибутов, как-то – стервятников и запаха. При такой жаре труп начинает разлагаться очень быстро.

Я медленно проехала вдоль улицы, с сожалением покосившись на чернеющий в проеме колокольни образец средневекового литья. Пальнуть бы по нему пару раз – живо забегают.

Вместо этого я остановила Моргану у колодца, слезла, с трудом – боже, зачем эти люди подвесили сюда такую тяжеленную бадью! – вытянула наверх полное ведро чистой ледяной воды и взгромодила его на край колодца. Наполнила заново обе фляги, затем аккуратно положила рядом шляпу – и сунула голову под воду. Вынырнула, отфыркиваясь, перевела дух и окунулась еще раз. Затем напоила из этого же ведра Моргану и ее же от души окатила остатками воды. Выжала волосы, благо они у меня короткие и сохнут быстро, надела шляпу, сдвинув ее пониже, и присела на край колодца.

Сейчас было бы здорово для полноты картины раскурить длинную гаванскую сигару и сидеть, медленно выпуская клубы дыма сквозь зубы. Но я не курю. Табак отбивает нюх не только у собак.

Рано или поздно они появятся. Что касается меня, то я никуда не спешу. До захода солнца еще уйма времени.

Их хватило ненадолго. Уже через несколько минут в домах начали колыхаться занавески, чья-то тень мелькнула за низким глинобитным забором, в полумраке дверных проемов появилось несколько пятен посветлее. Некоторое время я наблюдала за этой суетой, потом мне стало скучно, я надвинула шляпу на глаза и принялась загонять себя в некое сонное оцепенение, которое мой друг-аббат именовал забавным восточным словечком «медитация».

Вывел меня из него скрип сапог.

Сапоги – это хорошо. Нищий пеон не носит сапог, следовательно, ко мне приближается то, что изображает в этой нищей деревушке верховную власть. Неважно кто – сеньор алькальд, старейшина или просто деревенский лавочник. Тот, с кем я смогу договориться. Ну а если не смогу, пусть пеняет на себя.

– Э-э... досточтимая сеньора...

Нарочито медленно приподняв указательным пальцем край шляпы, я взглянула на говорившего.

М-да, дело еще хуже, чем я предполагала. Если этот оборванец, одетый хуже любого виденного мной нищего Мехико, – местная власть... я не стала додумывать эту мысль до конца. Ясно только, что на горячую ванну я вряд ли могу рассчитывать.

Позади представителя власти робко переминались с ноги на ногу двое пожилых пеонов, одетых примерно так же, как и встреченный мной по дороге их кретин-односельчанин. Разве что на этих рубахи были малость почище да сомбреро выглядели не такими обтрепанными по краям.

– Не будет ли досточтимая сеньора столь любезна...

– Я – сеньорита! – перебила я словесные излияния этого шута.

– О, простите меня, досточтимая сеньорита. Я должен был догадаться. Простите...

Не дожидаясь, пока этот несчастный олух рухнет на колени и попытается испачкать своими поцелуями мои сапоги, я вытянула из жилетного кармана свой Знак и продемонстрировала его троице.

Троица дружно шарахнулась назад. Не думаю, что я сумела бы напугать их больше, даже показав растущие из-под верхней губы клыки.

– С-сеньорита...

– Вы что, не знаете, что означает этот Знак? – держу пари, это знает каждый мальчишка, даже в такой дыре, как эта. Особенно в такой дыре, как эта. Серебряный крест из двух связанных колец. Спят и видят, что пойдут в монахи, чтобы стать охотниками на вампиров. Знаменитыми охотниками. Такими, как Святой Рохас или брат Васко.

– Мы знаем... но вы?

Я слегка улыбнулась:

– По-вашему, охотник за вампирами – это непременно монах в серебряной кольчуге поверх рясы, с крестом в одной руке, осиновым колом в другой и горящими святым фанатизмом глазами?

– Нет, но... сеньорита, вы женщина, и вы... одна.

Я улыбнулась шире:

– А с чего вы взяли, что я одна?

Троица начала лихорадочно озираться по сторонам, высматривая толпы стрелков с винчестерами наготове. Не обнаружив оных, они обратили свои взоры на меня.

Пока эти олухи глазели по сторонам, я распахнула плащ, обнажив при этом обе кобуры.

– Смит, Торфин и я, – моя ладонь обхватила рукоятку «бизона», – нас уже трое. Плюс этот черный парень, – пистолет из левой кобуры словно сам по себе взлетел вверх, крутанулся вокруг пальца и лег обратно, – нас уже много, – про притороченный к седлу «винчестер» я упоминать уже не стала. Имеющий очи, да увидит.

– Или, – я медленно обвела взглядом присутствующих, – кто-то хочет поспорить с *моими друзьями*?

Желающих не нашлось.

Я люблю свое оружие. Большой, тяжелый, никелированный «Смит-и-Торфин», прозванный «бизоном» за якобы присущую ему способность остановить этого зверя на полном скаку. Не знаю, как насчет последнего, не пробовала, но лягается Старший Брат будь здоров – я чуть кисть себе не сломала, привыкая к его бешеной отдаче. И» снарк» 38-калибра, поменьше, выглядит не так грозно, зато пятнадцать патронов в его обойме – как раз то, что нужно, чтобы удержать на расстоянии толпу разъяренной нечисти, пока заменяешь патроны в барабане Старшего Братца.

По-моему, это как раз те друзья, которые нужны маленькой хрупкой женщине вроде меня, чтобы в наше тяжелое время чувствовать себя спокойно. Надежный друг и защитник, который не предаст и не обманет. И вообще, человек чувствует себя по-настоящему свободным только тогда, когда он чувствует себя защищенным.

Один лишь алькальд, похоже, был не прочь поспорить, но, не найдя поддержки у своих односельчан, скис и стал похож на пустой бурдюк.

– Э-э... что же привело благородную сеньориту охотницу в нашу деревню?

– Приказ епископа, – при этих словах все присутствующие, исключая, разумеется, меня и Моргану, дружно перекрестились. – Стали пропадать люди.

Троица озадаченно переглянулась.

– У нас и в самом деле пропали двое, – сказал один из пеонов. – Педро Хименес и маленькая Рамона. Но мы и помыслить не могли...

– Люди... – перебила я его. – Пропадали не только у вас!

Вчера мы с отцом О'Райли битых три часа мучились над потрепанной картой, пытаюсь определить место наиболее вероятного местонахождения гнезда. И сошлись именно на этой деревушке. В других местах случаев было больше, там находили и тела с характерными следами – в трех десятках миль отсюда погибла целая семья из восьми человек, чья хижина стояла чуть на отшибе. Был даже один живой свидетель – какой-то отчаянно везучий парень, сумевший отмахаться от нападавшего вампира – скорее всего, недавно обращенного – факелом.

Так вот, если верить карте, Эль-Экстинто находилась примерно в центре охотничьих угодий тварей. И – всего два случая, причем оба раза тела исчезали без следа. Не гадь там, где живешь, – этому нехитрому правилу неукоснительно следуют все хищники.

Мне, наверное, стоило бы поговорить со свидетелем, но отец О'Райли сказал, что тот, отойдя от пережитого, быстро распрощался с односельчанами и подался к каким-то дальним родственникам то ли в Ниуауа, то ли в Дуранго. Весьма разумный поступок с его стороны – вампир наверняка запомнил его, а эти твари весьма злопамятны. Но преследовать жертву за пределами территории гнезда свежеиспеченный кровосос вряд ли отважится, хотя бы потому, что это может сильно не понравиться тамошним Хозяевам. Разве что сам Глава гнезда решит устроить показательную акцию возмездия.

Ну и ладно. Мне вполне достаточно самого факта надежного свидетельства. Только Господь и я ведаем, сколько мне пришлось наглотаться пыли, мотаясь по стране в погоне за очередным слухом, на поверку оказывающимся банальной пумой, бешеным койотом... в лучшем случае обратном. Да стоит этим суеверным пейзажам наткнуться на любой изуродованный труп – а в таковой превращается любое тело, над которым хотя бы десять минут поработали стервятники, – и они тут же принимаются вопить: «El Vampiro! Los Vampiros!» И приходится тратить уйму сил и времени, выясняя, что никакими вампирами здесь и не пахло, потому что последнего из них проткнули братья-охотники еще во времена Климента XIII.

– Мы, э-э... все верные слуги нашей святой матери-церкви, – поспешно сказал алькальд. – И, если такова была воля Его Преосвященства...

– Интересно, – задумчиво сказала я, глядя при этом на Моргану. – Найдется ли здесь человек, который сможет прочесть послание монсеньора епископа?

На самом деле у меня была лишь обычная бумажка из епископской канцелярии, должествующая, главным образом, удостоверить, что я взялась за это дело не из-за любви к искусству охоты на вампиров, а вполне официально нанята Святой Церковью и в качестве таковой имею право на оговоренное – сумма прописью – вознаграждение. Но там действительно было что-то вроде «... всемерно способствовать», а внизу в самом деле красовалась размашистая роспись монсеньера Аугусто и печать его канцелярии.

– Нет, нет, сеньорита, что вы, – замахал руками алькальд. – Разумеется, мы готовы услужить вам всем, чем только можем.

– Крышу над головой, – лаконично сказала я, внимательно изучая ногти своей правой руки. Ногти были грязные. – Еду. Горячий кофе каждое утро. Если мне потребуется еще что-нибудь, я вам сообщу.

– Как вам будет угодно, сеньорита, – согнулся в поклоне алькальд. – Я предлагаю вам разместиться у меня, это лучший дом в нашей деревне... хотя вы, конечно, привыкли куда к большему.

– Ничего, – доверительно сообщила я. – Я привыкла довольствоваться малым.

Да-а. Долгими ночами под открытым небом. Ослепительный снег на горных перевалах – и горячий ветер пополам с песком на мертвых плоскогорьях. Дождь, превращающий дорогу в раскисшее месиво. Одиночество, когда неистово надеешься, что к твоему костру выйдет хоть

кто-нибудь – даже тот, за кем ты охотишься сейчас, лишь бы сказал пару слов, прежде чем кинуться на тебя.

– Как пожелаете, сеньорита, – алькальд осмелел настолько, что попытался было протянуть руку к поводьям Морганы. Та недовольно фыркнула. Этого хватило, чтобы наглец отпрыгнул на несколько шагов и едва не упал, запутавшись в собственных штанах.

– Хорошая лошадка, – я одобительно потрепала свою любимицу по шее, сняла сумки и протянула поводья пеону, стоящему справа, который показался мне более достойным доверия. – Позаботьтесь о ней, – мысленно добавив: «Не то я вас на колбасы переведу!»

– Прошу вас, сеньорита, – будь у алькальда метла, он, без всякого сомнения, принялся бы подметать площадь передо мной. Господи, как в одном человеке может уместиться столько готовности унизиться? Не понимаю.

– Вы должны, – с какой радости я им что-то должна?! – простить нас, досточтимая сеньорита охотница, – продолжал алькальд. – У нас очень маленькая, бедная деревня. Священник и тот бывает у нас всего лишь два раза в год...

– Я знакома с отцом О'Райли.

– ...да, и тогда же приезжают сеньор сборщик с солдатами. У нас нет даже алькальда...

– А вы кто такой?

– Я... – говоривший на миг замялся. – Я простой хозяин лавки. Так уж повелось, что мои односельчане доверяют мне вести переговоры с приезжими. Но никакой официальной власти у меня нет. Прошу вас, сеньорита...

– Сеньорита Бренда, – сообщила я, наклоняясь, чтобы не задеть шляпой хлипкий косяк. – Называйте меня так.

– О... это большая честь для нас, сеньорита. А меня зовут Родриго. Родриго Санчес, с вашего позволения. Вот... эта лучшая в доме кровать.

Что ж, по крайней мере на ней было хоть какое-то подобие постели. Жалкое, по совести говоря, подобие, но все равно.

– Превосходно, – солгала я, забрасывая под кровать свои седельные сумки.

– Может, благородная госпожа охотница пожелает перекусить после столь длительного и трудного пути? Моя жена...

– Потом, – отмахнулась я. – Сейчас я хочу поговорить с родственниками пропавших.

– Да-да, конечно, как будет угодно...

Этот низенький, с реденькими сальными волосами человечиска уже вызывал во мне большую неприязнь, чем все остальные жители деревушки, вместе взятые. Держу пари, он ведет себя так с каждым хоть сколь-нибудь значимым приезжим – мелким чиновником, О'Райли... просто проезжим гринго. А потом отыгрывается на односельчанах. Наверняка они все у него по уши в долгах.

Может, пристрелить его? Тоже ведь вампир, только еще худший.

В хижине, где жила маленькая Рамона Фернандес, мы не нашли никого, а из родных Педро Хименеса на месте была только бабка, скрючившаяся в плетеном кресле в самом темном углу хижины. Я отослала лавочника прочь и попыталась ее разговорить, но, судя по тому, что пробивалось сквозь полубезумное хихиканье, самые свежие новости бабки относились к взятию Аламо².

Может, брат Рамон и сумел бы добиться от нее чего-нибудь путного – он даже мумию мог разговорить, – но не я.

При мысли о Рамоне мне стало грустно. Я вдруг воочию представила, как мы едем рядом – Моргана подозрительно косится на мышастого мула монаха, мул в свою очередь начинает

² Защищаемый 146 техасскими повстанцами форт Аламо был взят трехтысячной армией мексиканского генерала Санта Анна в 1836 году.

перебирать ушами, я хохочу, а Рамон невозмутимо почесывает свою кастильскую бородку и выдает одну из своих любимых латинских пословиц.

Промучившись с бабкой еще минут десять, я, наконец, окончательно признала бесполезность сего занятия и вышла из хижины.

Лавочника, естественно, давно и след простыл. Равно как и прочих взрослых аборигенов. Сиеста, мертвый час, что вы хотите, сеньорита? Только стайка мальчишек сгрудилась около соседнего забора, бросая испуганные взгляды в мою сторону.

Впрочем... не только мальчишек.

– Эй, bonita, – махнула я рукой тому из сорванцов, что щеголял чуть менее, чем у прочих, измазанной физиономией, а заодно и короткой юбкой из разноцветных лоскутов. – Иди сюда.

Существо в юбке оглянулось на своих притихших сотоварищей, сделало шаг, снова оглянулось...

– Иди-иди, – подбодрила я ее, – не бойся.

При более детальном изучении особь в юбке оказалась довольно симпатичной девчушкой – а если бы кто-нибудь, решила я, взял на себя труд отмыть это дитя и нарядить во что-нибудь более приличное, – то ее можно было бы назвать и красивой.

Когда-то я тоже любила водиться с мальчишками.

– Ты знала Рамону Фернандес?

– Да, сеньорита охотница, – отозвалась девчонка, неотступно глядя на что-то в районе моего пояса.

Проследив за ее взглядом, я подавила тоскливый вздох и принялась рыться в карманах плаща. Не то, не то... ага, вот.

Вообще-то я не увлекаюсь ручным переснаряжением, но в силу специфики работы некоторые пули приходится делать самой.

– Держи, – я протянула девчонке гильзу от «бизона». – Как тебя зовут?

– Мария, – пискнула та, зачарованно уставясь на блестящий цилиндрок. – О... это мне?

– Лови, – гильза блеснула на солнце и тут же исчезла в смуглых ладошках.

– О... большое спасибо, сеньорита охотница, – затараторила девчонка. – Я... я сделаю из нее талисман. Повешу на шнурок... и буду носить рядом с крестом.

– Хорошая идея, – серьезно кивнула я.

– Я... – даже сквозь загар и слой грязи было заметно, что Мария отчаянно покраснела. – Я бы хотела стать такой, как вы. Сильной, отважной, никого не боящейся. Вы ведь никого не боитесь, правда, сеньорита охотница? Даже самого El Diablo?

– Да хранит нас Господь от встречи с ним, – улыбнулась я. – Храбрый человек должен бояться.

– Но... как это может быть, сеньорита охотница?

– Бренда. Меня зовут Бренда.

– Какое красивое имя, – тоскливо вздохнула девчушка. – И необычное. А вот у меня...

– У тебя тоже красивое имя, bonita. Просто я родилась очень далеко отсюда. Там необычным сочли бы твое имя.

– Бренда... – задумчиво повторила девчонка. – А почему ты сказала, что храбрый человек должен бояться?

– Так мне объяснил один мой друг-гринго. Он сказал, что только трусы не знают запаха страха – потому что удирают прежде, чем почуют его. Храбрый человек всегда идет навстречу своему страху и побеждает сначала его, потом то, что этот страх породило.

– И так каждый раз?

Я рассмеялась и надела на голову Марии свою шляпу, немедленно съехавшую ей на глаза.

– Нет. Один страх достаточно победить раз, и потом он сам будет бежать от тебя.

– А чего боишься ты, Бренда? – малышка поправила шляпу, но выглядела в ней все равно уморительно. Встрепанный воробушек, нацепивший себе на голову собственное гнездо.

– Сейчас, – я задумчиво огляделась по сторонам, – я больше всего боюсь остаться без ужина. Как осталась уже без завтрака и обеда.

– Бедная.

– Сможешь показать, где пропала Рамона Фернандес? – деловым тоном осведомилась я, возвращая шляпу на привычное место – солнце пекло просто немилосердно.

– Да, – девчушка заметно побледнела, но все же нашла в себе силы кивнуть.

* * *

Лес мне не понравился. Он был весь пронизан какими-то затхлыми, мрачными оттенками... я так и не смогла понять, что именно настораживало меня, но очень пожалела, что оставила «винчестер» в притороченном к седлу чехле.

Нехорошее место. Неудивительно, что тут заводится всякая нечисть. Странно другое – что находятся идиоты, согласные поселиться рядом.

– Дальше я пойду одна.

– Но, Бренда... – девчонка осеклась, когда я развернулась к ней.

М-да. Рамон, помнится, тоже говорил, что в такие моменты у меня исключительно паршивая рожа.

– Первое правило охотника, – прошептала я, наклоняясь. – Всегда и во всем слушаться старшего команды. Запомнила? – Мария истоково закивала. – Тогда беги.

Я проследила, как белая фигурка скрывается между стволов, облегченно выдохнула и убрала ладонь с рукоятки «бизона».

Так-то лучше. Не люблю, когда кто-то крутится рядом, когда мне приходится стрелять – а сейчас я эту возможность отнюдь не исключала.

Лес был сильно истоптан многочисленными следами босых ног – жители деревни искали пропавших и делали это довольно старательно. Их проблема была в том, что они не имели ни малейшего представления, что и как именно нужно искать в таких случаях. Зато я знала и потому довольно быстро отыскала крохотную ложбинку, в которой закончила свой земной путь несчастная Рамона. Тварь даже не потрудилась особо замаскировать следы борьбы, впрочем, судя по ним, борьба эта длилась недолго.

Похоже, это опять был недавно обращенный, потому и напал так недалеко от гнезда. А разглядев на земле едва различимые бурые пятна, я окончательно убедилась в этом. Опытный вампир и капле крови не даст пролиться.

В принципе, уже сейчас можно было бы попытаться пройти по следу – я была больше чем уверена, что он ведет напрямик до гнезда, разве что идиота завернул кто-нибудь из более опытных тварей. Но, взглянув на солнце, я решила отказаться от этой идеи.

Второе правило охотника – торопись медленно!

А потому я нашла подходящий пенек, разложила на нем свой немудреный магический арсенал и прикинула, что смогу соорудить за оставшиеся пару часов.

Выходило не так чтобы много. Я еще не видела местных звезд и уж подавно не имела понятия, к кому из духов древних богов можно здесь обратиться. Впрочем, к этим и обращаться-то не очень хотелось – как-никак я выполняю поручение Святой Матери Церкви, и, хотя самому монсеньеру Аугусто глубоко безразлично, как я добьюсь результата, в условия контракта входит обязательная исповедь. И если падре Сантос решит... в прошлый раз мне это стоило восьмидесяти Ave Maria.

Глава 2

Кристофер Ханко, искатель неприятностей

Разминувшись с семейством гномов, я обогнул пьяного хобгоблина, завернул за угол – и нос к носу столкнулся с Ужасом. Пришлось изобразить вежливый реверанс.

Ужас осклабился – это у него получается хорошо – и приподнял котелок над черепом.

– Привет, Крис. Как жизнь?

– Пока теплится. А ты что плохого скажешь?

Ужас – скелет. Он остался от негра-проповедника, вознамерившегося нести жителям Запретных Земель Слово Божье. Правда, до гоблинских котлов он добраться не успел – неосторожно сцепился с кем-то в салуне, потом еще более неосторожно повернулся к обидчику спиной... двенадцать ножевых ран, самое жуткое самоубийство на моей памяти. Ну а поскольку самоубийцам не место на освященной земле, не приходится удивляться, что некоторое время спустя на улицах объявился сверкающий белизной костяк. Расставшись с плотью, он заодно избавился от некоторых иллюзий, и теперь Ужас – один из лучших кучеров дилижансов в Пограничье.

– Говорят, в Трольффине появился Красный Охотник, – сказал Ужас, протягивая мне сигару.

– И на кого же?

– Это как раз самое интересное. Ни на кого.

– Не понял, – признался я, чиркая спичкой.

Ужас дернул ключицами.

– Сам удивляюсь, – скрежетнул он. – Никогда раньше такого не было.

– Хм. Слушай, – вспомнил я, – а ты не слыхал в последнее время каких-нибудь свежих пророчеств относительно Конца Света или чего-нибудь в этом роде?

– Нет, – уверенно ответил Ужас. – Точно.

– Жаль, – вздохнул я.

– Обратись к Грипппфелду, – посоветовал скелет.

– Кости, – проникновенно сказал я. – Ты – гений.

– Я знаю.

В самом деле, почему бы не обратиться к нашему светочу черной магии. Если что-то и в самом деле происходит, он-то наверняка в курсе.

Магистр Черно книжья, Прикладной Магии, консультант по Запретной Магической Деятельности, а также обладатель еще не менее десятка столь же звучных титулов – все они были перечислены на потемневшей деревянной вывеске – содержал крохотную, изрядно захламленную лавчонку, главной достопримечательностью которой было чучело аллигатора. Аллигатор болтался под затянутым паутиной потолком и всем своим видом жаловался на то, что в родном луизианском болоте чувствовал себя не в пример лучше.

– Проклятье, – простонал Его Злодейство, едва заведя меня на пороге. – Ханко! Неужели я настолько кому-то досадил?

– Успокойся, К. М., – весело сказал я. – Ты настолько ничтожен, что никому и в голову не придет специально портить тебе настроение. А уж тем более нанимать для этого меня.

На самом деле К. М. Грипппфелд достаточно сильный маг. В Пограничье же он сидит лишь для того, чтобы по дешевке скупать выносимые из Запретных Земель артефакты.

С другой стороны... я знал не так уж мало магов, считавших себя могучими. И знаю, где можно отыскать многих из них. На кладбищах.

– Зачем пришел?

– За новостями, – я постарался, чтобы мой голос звучал как можно более кротко. – Ты не замечал в последнее время чего-нибудь необычного, а?

Грипппфелд неодобрительно покосился на меня из-под очков.

– Необычного? Вы только посмотрите на него! – учитывая, что в лавке мы были одни, этот призыв мог относиться лишь к бедолаге-аллигатору. – Когда, по-твоему, в этом чокнутом городишке происходило что-нибудь обычное?

– А все-таки?

– А что я с этого буду иметь?

– Как насчет моего дружеского расположения? – предложил я.

– Можешь отправить его сам-знаешь-куда, – буркнул К. М. – Ладно, будь у меня и впрямь что-то интересное, я бы с тебя содрал пару шкур, а так... лови! Час назад забегал твой приятель Хорек...

– Я таких приятелей...

– Ваши проблемы. Так вот, какая-то приезжая дамочка навесила на этого скунса заклятье.

– Ревматизма?

Ай да леди Мышь! А я-то гадал, как она сумела заставить Хорька без предоплаты оторвать затылок от подушки.

– Нет, импотенции, – фыркнул К. М. – Хорошее заклятье, старинное.

– И что?

– Три доллара пятнадцать центов, – Грипппфелд кивнул на прибитый сбоку от прилавка лист с расценками. – Ты же знаешь наши правила, Ханко. Была бы это работа кого-нибудь из гильдии... а так – повезло дураку.

Похоже, леди Мышь опять недооценила туземцев.

– Хорек что-нибудь сказал?

– Нет, стучал зубами и трясся. Хотя, – нахмурился К. М. – Забавно – когда я закончил, он попросил сделать так, чтобы внешне все выглядело по-прежнему.

Хм. Похоже, парень решил приготовить кое-кому камень за пазухой. Или серебряный кинжальчик.

– Больше ничего необычного не случилось?

– Если не считать твоего визита, – фыркнул К. М.

– Что ж, – церемонно произнес я, пятясь к двери. – Спасибо, что уделил мне толику твоего драгоценного времени.

– Твоими спасибо, Ханко, сыт не будешь. Купил бы чего?

– В другой раз, – пообещал я, – непременно.

– Да и вот еще, Ханко! – Окрик К. М. догнал меня уже почти за дверью. – Передай Фредди, чтобы он держался подальше от кладбищ.

* * *

Запах я почувствовал еще в коридоре. А когда распахнул дверь, вырвавшаяся из-за нее волна смрада едва не сбила меня с ног.

Несколько секунд я молча обзирал открывшееся моим глазам зрелище, затем захлопнул дверь и бросился вниз.

Фредди как раз выходил из кухни. Я выхватил у него из рук заставленный тарелками поднос, осторожно поставил его на пол, разогнулся и попытался хорошенько приложить зеленого недоумка о ближайшую стенку. Не вышло – с троллями такие шутки проходят редко.

- В чем дело, Ханко?
- Ты еще спрашиваешь, в чем дело?! – взорвался я. – Дело, черт побери, в том, что посреди моей комнаты стоят два типа, видом, а главное, запахом очень смахивающие на несвежих покойников!
- Хорошие, крепкие зомби, – проклятье, этот кретин, похоже, еще и гордится собой. – Ты просил найти надежных парней – я нашел.
- Нашел – молодец! А теперь потеряй их обратно!
- Не могу, – лаконично отозвался тролль.
- Что?!
- Во-первых, они обошлись мне в семьдесят монет, – прояснил Фредди. – А во-вторых, они будут подчиняться лишь тебе.
- Ты что, заклил их на *мое имя*?!
- Ну да, – похоже, до тролля только сейчас начало доходить, что он сделал что-то не то.
- Фредди, ты кретин, – простонал я.
- Прости, – коротко сказал тролль.
- Это все, что ты можешь сказать?
- Прости, – повторил Фредди. – Но в тот момент мне это и впрямь показалось хорошей идеей. Когда тот тип спросил, не нужны ли мне магические услуги со скидкой...
- Какой еще тип? – настороженно спросил я.
- Если это окажется подарочек от «кровавого дона»...
- Какой-то негритянский шаман, – успокоил меня тролль. – Похож на сушеную макаку, а перьями обвешан так, что хватило бы на дюжину вееров. Ему понравился мой обед, и он спросил... ну а я я подумал...
- Лучше бы ты не пытался думать, Фредди, – вздохнул я. – Сегодня для этого был явно не подходящий день.
- И что теперь делать? – сумрачно осведомился тролль.
- По крайней мере не оставлять их там, где они сейчас, – твердо сказал я.
- Я могу положить их в подвале и присыпать землей, – предложил Фредди.
- Буду признателен, – фыркнул я. – Ну а я пока схожу на кладбище.
- Зачем? – удивился тролль.
- Ну как же, – пояснил я. – Надо же знать, как зовут моих новых друзей.

* * *

Как и положено уважающему себя Бут-Хиллу³, наше царство покоя и тишины имеет запирающиеся на ночь ворота.

А сверху еще и деревянную арку, украшенную соответствующей латинской надписью – правда, я так и не запомнил, какой именно.

Другой вопрос, что наличие ворот говорило лишь об оптимизме жителей городка – или о каких-нибудь других свойственных их мышлению особенностях, потому что ограда вокруг кладбища отсутствовала.

На войне мне доводилось видеть кладбища раз в двадцать больше этого – бесконечные ряды могил, вырытые парнями в серой форме с серыми лицами, от которых несло так же, как от парочки в подвале Фредди. Наше командование не видело ничего зазорного в том, чтобы мертвые мятежники сами обустроили себе места для последнего упокоения, а заодно оказали ту же услугу федеральным покойникам.

³ Бут-Хилл (Boot Hill) – жаргонное название кладбища на Дальнем Западе.

Много времени на поиски не понадобилось – чертов шаман даже не озаботился прибрать за собой. Обе могилы так и остались развороченными, кресты – поваленными, в изголовье могилы слева так и остался торчать огарок черной восковой свечи. Удивительная самонадеянность – подобные штучки могли бы сойти с рук где-нибудь на Гаити, но никак не в Пограничье.

Я полез было за спичками, и в этот момент из-за туч выглянула луна. Почти круглая – до полнолуния осталось два дня, и ее света вполне хватило на то, чтобы прочитать коряво выжженную на поперечине креста надпись: «Хосе Игнасио, прозванный Пауком».

Логично. Хосе Игнасио на свете много, а вот типа по прозвищу Паук в Пограничье знают хорошо. То есть знали. Рядом же, надо полагать, лежал его единоутробный братец – их вздернули вместе, за три дня до моего возвращения в город. Должно быть, двум кабальеро⁴ большой дороги было чертовски обидно сводить знакомство с «пеньковой тетушкой», будучи пойманными на банальном конокрадстве.

С кладбища я постарался выбраться как можно быстрее.

Черт. Ну и как теперь прикажете избавляться от этих братцев-акробатов? Покойнички ведь из них еще те...

Задумавшись, я едва не проскочил мимо конечного пункта своего пути – массивного сруба, с дверью, рассчитанной на существо раза в полтора выше меня. В эту дверь я и постучал... сапогом. Потом еще раз и уже начал было заносить ногу для третьего пинка, как дверь неожиданно распахнулась.

– Привет, Тимми, – я едва удержал равновесие. – Не разбудил?

– Нет, ты прервал мою сиесту, – передразнил меня хозяин дома, всю одежду которого составляло небрежно подвязанное вокруг бедер полотенце.

– Прости. У меня к тебе дело.

– Твое дело никак не могло подождать до утра? – недружелюбно осведомился потомок великанов, глядя на меня с высоты своих восьми футов.

– Честно – не знаю.

Тимоти Валлентайн тяжело вздохнул.

– Если бы ты, Крис, – укоризненно произнес он, – по какому-то неизъяснимому велению высших сил не числился среди моих друзей...

– Весьма немногочисленных, – хмыкнул я.

– ...то я бы с большим удовольствием арестовал бы тебя на месте, – закончил Тимоти. – Выкладывай, с чем пришел и проваливай. Я. Хочу. Спать.

– Боюсь, так просто ты от меня не отделаешься, – вздохнул я. – Видишь ли, я бы хотел, чтобы мы с тобой навестили одного нашего общего знакомого.

– Что, прямо сейчас?

– Именно.

Валлентайн смерил меня еще одним уничтожающим взглядом и, повернувшись, скрылся в доме.

Появился он оттуда три минуты спустя, одетый, чуть менее сонный и гораздо более злобный. Меня, впрочем, это устраивало. Надо было только направить эту злобность по нужному мне руслу.

Нас отделяло от хибары Хорька пять минут неторопливой ходьбы, и этого времени мне как раз хватило на то, чтобы вполголоса пересказать Тимми события последних суток – опустив, разумеется, такие детали, как два дурнопахнущих субъекта в моем номере.

⁴ **Кабальеро** (caballero) – благородный человек. В отличие от «джентльмена», «кабальеро» нельзя оказаться только благодаря положению или воспитанию; тут важны личные качества. Употребляется, как правило, в третьем лице («он был настоящий кабальеро»).

– Вот, кажется, и все, – закончил я свой рассказ. – Мне показалось, что тебе это будет небезынтересно.

– Я все равно не понял, за каким чертом ты поднял меня из кровати, – скривился Тимми. – Равно как и за каким орком ты вообще поперся на кладбище.

– Честно – не знаю, – соврал я. – Считаю это интуицией, которая меня подвела. А к Хорьку я хочу попасть сейчас, потому что не уверен, что мы сумеем проделать это завтра.

– Думаешь... – Тимми недоговорил свою мысль и, нахмурившись, обрушил свой кулак на стену хорьковского логова. Хибара вздрогнула и с душераздирающим скрипом перекосилась на пару дюймов.

– Какого дьявола! – донесся до нас визгливый голос Хорька.

– Открывай!

– Что?! Да кто вы... здесь ночь!

– А здесь закон! – ухмыльнулся Валлентайн, протирая рукавом куртки свою звезду помощника шерифа. – Эту бляху положено уважать в любое время суток! Короче, ты отопрешь нам или мне войти самому?

– Что?! Эй, нет, подождите! Я сейчас открою.

Тимми весело подмигнул мне.

– Сейчас вывернем его жалкую душонку наизнанку, – пообещал он.

Я был настроен более скептически:

– Было бы что выворачивать.

Из-за двери донеслось шарканье, затем шуршание... загорелась свеча, осветив многочисленные щели, наконец, дверь распахнулась.

– Чего вам надо? – прошипел Хорек, поднимая повыше подсвечник. – Я честный, богобояз... проклятье, Ханко!

– А что, я не могу зайти в гости к своему старому приятелю? – спросил я. – Вместе с другим приятелем. Мы же друзья, Хорек, не так ли?

Хорек затравленно огляделся. Мы с Тимми превосходили его фунтов на двести.

– К чему это ты клонишь? – с подозрением осведомился он.

– К тому, что между друзьями не бывает секретов, Хорек.

– Девушка, – вкрадчиво произнес Валлентайн. – Маленькая вампирша. Расскажи нам про нее.

– Не-ет! – взвизгнул Хорек, хватаясь за грудь. – Нет. Я ничего не знаю. Оставьте меня в покое.

– Проблемы с сердцем, Хорек? – участливо сказал я. – Ты же вроде раньше не жаловался.

– Вот что бывает с людьми, которые едят слишком много жирного, – наставительно заметил Тимоти.

Бегающие глазки Хорька никак не могли решить, на ком из нас остановиться.

– Я н-ничего не знаю, – выдавил он. – Она приходила – и ушла ни с чем.

– А что она хотела, Вилли? – все тем же вкрадчивым голосом произнес Тимоти. – Зачем она приходила к тебе?

– Ей нужно было в Запретные Земли, – сообразив, что мы не собираемся убивать его прямо сейчас, Хорек начал успокаиваться. – Хотела, чтобы я провел ее в... – он резко осекся и снова схватился за грудь. – Я отослал ее прочь.

– В самом деле? – я приподнял бровь, но в темноте этот жест остался никем не замечен.

– Да, я отослал ее прочь, – Хорек снова начал срываться на визг. – Она мне не понравилась, и я прогнал ее. Что, я не имел на это права?

– Знаешь, – доверительно сообщил мне Тимоти, – по-моему, Хорьком его прозвали незаслуженно. Он куда больше смахивает на скунса.

– Ну что вам еще от меня нужно? – Хорек перешел с визга на заунывное нытье. – Я вам все рассказал. Дайте человеку поспать.

– Иди, – неожиданно легко согласился Валлентайн.

– Но помни... – начал я.

– ... если ты нам соврал... – продолжил Тимоти.

– ...то мы еще вернемся, – закончил я.

– Не нравится мне все это, – задумчиво сказал Валлентайн, когда мы отделились от хорецкого пристанища на полсотни ярдов. – Ох... дурно все это пахнет.

– Надеюсь, ты не считаешь, что здесь тоже замешаны Великие Древние? – улыбнулся я.

У Тимоти имеется одна довольно безобидная идея фикс – что мы всего лишь одно из звеньев в бесконечной цепи цивилизаций, населявших нашу планету. Он почерпнул это из книжек какого-то гнома с непроизносимой фамилией.

– Не советовал бы тебе отзывать о них столь пренебрежительно, – Тимоти покосился на светящееся в конце улицы небо. – Твой скепсис не сможет послужить защитой от древнего зла.

– Мне вполне хватает зла современного, – отозвался я. – Равно как и жадности, идиотизма и прочих цветов разума.

– Блажен, кто верует... нет, я не думаю, что это может быть связано с наследством давно минувших эпох, иначе даже ты ощутил бы холод космического зла. Возможно, что-то из нашего собственного, уже человеческого прошлого.

– Да ну, брось, – я с трудом удержал зевок. – Вот увидишь – все это окажется очередной шарлатанской аферой, вроде Настоящего Патентованного Философского Камня или Наиподлиннейшего Яйца Последнего Василиска.

– Знаешь, – медленно произнес Валлентайн, – мне очень хочется надеяться, что ты окажешься прав. А тебе?

– Тоже, – согласно кивнул я. – Кстати, не забудь позвать меня, когда соберешься вытрясти пыль из нашего маленького друга. Он ведь нам соврал.

– Разумеется, – кивнул Тимоти. – Он бы не просил К. М. восстановить внешний вид заклатья, если бы отказался от работы. Но я хочу сначала понаблюдать за ним... завтра.

– А сейчас пойдешь досыпать?

– Да какой теперь сон, – махнул рукой Валлентайн. – Пройдусь по округе... к Маленькому Джонни загляну.

– Тогда нам по пути, – решительно сказал я.

Патрик Мигер, кавалерист-куда-пошлют

Федеральный бронепоезд втягивался на станцию медленными рывками, словно обожравшийся на полгода вперед удав.

Выглядел он, надо признать, весьма внушительно – массивные блиндированные вагоны, круглые купола бронебашен с черными хоботками орудий, два локомотива. Только три представительских вагона в середине состава напрочь разрушали это грозное величие блеском накрахмаленных занавесочек.

Капитан Мигер стянул с головы шляпу и тщательно выбил ее о колено. Затем он тоскливо покосился на рукава мундира – покрывавший их толстый слой пыли наводил на мысль о принадлежности капитана к шайке бывших конфедератов⁵, умудрившихся до сих пор сохранить униформу и некое подобие дисциплины.

– Эй, Флеминг! – окликнул он стоявшего неподалеку сержанта. – Не помнишь, такой же гроб пустили по откос орки у Грин-Ривер?

Сержант, несмотря на столь же толстый слой пыли, походивший на вышколенного дворцового какого-нибудь британского лорда, задумался.

– Не-а, – отозвался он, – сэр. Тот был малость поменьше. У этого четыре бронеплощадки, а у того было две, и гаубица на открытой платформе. Сэр.

– А истратили на него орки полдюжины динамитных шашек, – подытожил капитан. – Ну, на этот, положим, уйдет вся пачка – и что?

– Господа вашингтонские политики желают путешествовать с комфортом, – изрек сержант. – И в безопасности. Сэр.

– Лучше бы они читали наши отчеты! – капитан сплюнул. – От одного слуха об этой штуке все окрестные племена придут в совершенное неистовство. Нам это еще долго будет аукаться.

– Меня другое забавляет, – ухмыльнулся сержант, – сэр. Допустим, заползти они сюда заползли. А вот как они планируют выбираться обратно? Эти пять вагонов в хвосте...

– Будь я на месте командира этого чуда, – задумчиво сказал Мигер, – я бы скинул эти вагоны под откос за первым же поворотом и припустил отсюда на всех парах.

– Говорят, – сержант зевнул, – пару дней назад неподалеку видели Ныыра Рваное Ухо. Сэр.

– Да? – удивленно переспросил капитан. – Последнее, что я о нем слышал, – дело на гасиенде Льяча-дель-Мадо, а это в полутораста милях отсюда.

– От гасиенды Льяча-дель-Мадо осталась груда головешек, сэр, – заметил Флеминг. – Вряд ли они так уж доподлинно смогли доложить, кто именно на них напал. Если уж на то пошло, Рваное Ухо всегда заботился, чтобы о нем не рассказывали... даже хорошему некроманту.

– Что да, то да, – Мигер скривился, припомнив обгорелые останки на месте последнего виденного им налета. Полковой маг тогда сказал, что погибшим сначала вырвали язык, выкололи глаза, обрезали уши... и все остальное и только потом сожгли. Но еще живых – Рваное Ухо об этом позаботился. Он в этом выделялся даже среди прочих боевых вождей. Не очень, правда, но выделялся.

– В принципе, они бы могли успеть сюда даже после гасиенды, сэр, – неожиданно сказал сержант. – Если они захватили там лошадей.

⁵ Основным цветом для формы армии Конфедерации был серый, в отличие от синих мундиров их противников-северян.

– Не могли, – качнул головой Мигер. – Им бы пришлось скакать через земли Адруга Белого, а он давно мечтает украсить черепом Ныыра свой личный часток. Им бы пришлось делать крюк.

– О, – оживился сержант, – смотрите, сэр. Выходят.

– Черт, – выдохнул Мигер, глядя, как из распахнувшихся дверей вагонов выпрыгивают солдаты в синей форме. – Пехота.

Только ее здесь не хватало.

– Шестидесят девятый Нью-Йоркский, – со знанием дела заметил сержант. – Но я не про них. Вы во-он туда гляньте, сэр.

Мигер посмотрел в сторону представительских вагонов. Возле них уже стояли двое. Один – пожилой господин в сером длинном пальто и надвинутой на лоб шляпе, из-под которой выглядывала седая окладистая борода. У второго же борода была более козлиная, да и весь он чем-то неуловимо напоминал Абрахама Линкольна со старых литографий.

Третьего же как раз пытались выгрузить из вагона двое служащих. С того места, где стоял капитан, был виден только совершенно необъятный зад, отчаянно колыхавшийся на каждой очередной ступеньке.

– Орки будут от него в восторге, – заметил Мигер. – Такая туша, да еще, можно сказать, с доставкой в котел... ба, да у него еще и котиковый воротник на пальто. Из этого пальто выйдет наряд минимум для трех шаманов.

– Оу, – восхищенно выдохнул сержант. – Какая цыпочка!

Оба федеральных кавалериста восторженно уставились на очаровательнейшую голубоглазую блондинку, выпорхнувшую из второго представительского вагона.

– Мама, кажется, я влюбился, – пропел сержант. – Сейчас же бегу на телеграф, отбивать телеграмму.

– Красивая, – вздохнул Мигер, глядя вслед прекрасному видению, которое проплыло мимо, не удостоив их даже взглядом.

– Орки будут счастливы. Такая шейка...

– Ребятам ее показывать нельзя! – сержант был настроен на более оптимистичный лад. – Стоит парням увидеть ее, и рота взбунтуется.

– Капитан?

В последний момент Мигер успел обернуться и отсалютовать подходившему к ним офицеру.

– Полковник Кребс, – представился тот, опуская руку. – Из 69-го Нью-Йоркского.

– Капитан Мигер, сэр.

– Мигер? – переспросил полковник. – А вы случайно не родственник командира ирландской бригады?

– Так точно, сэр. Он мой дядя.

– О, – взгляд полковника на миг затуманился. – Мне доводилось встречаться с ним. При Энтитеме... То-то мне показалось сперва, что вы слишком молоды для капитана.

– Я окончил Вест-Пойнт в первой десятке, сэр, – холодно отозвался Мигер. – А звание капитана мне было присвоено пять месяцев назад, за дело у ранчо Хаддока.

– Слышал, – кивнул полковник. – Жаркое было дело.

– Это была бойня, сэр.

– Бойня, – наставительно произнес полковник, – была под Фредериксбергом, где бригада вашего дяди за десять минут потеряла шесть сотен убитыми и ранеными.

– Так точно, сэр.

– Вот ваш приказ, – полковник протянул Мигеру небольшой конверт. – Вы и ваша рота поступаете в мое распоряжение.

– Разрешите вопрос, сэр?

– Да?

– Что здесь, – Мигер кивнул на пытящий бронепоезд, – собственно, происходит... сэр?

– А вам разве не сказали? – удивился полковник.

– Я получил приказ идти к станции Форестберг прямо на патрулировании.

Полковник поморщился.

– Правительство организует экспедицию, – сказал он. – В глубь так называемых Запретных Земель. Я командую ее военной частью. Еще вопросы есть?

– Никак нет, сэр.

– Тогда зайдите ко мне через два часа. Сейчас мне надо проследить, – полковник качнул головой в сторону вагонов, – за разгрузкой.

– Черт! – выдохнул сержант в спину удаляющемуся полковнику. – Тысяча трахнутых троллями гоблинов и их... простите, сэр.

– Да ладно уж, сержант, – скривился Мигер. – Я и сам собирался сказать примерно то же.

Кристофер Ханко, шахтер поневоле

Хотя обычно виски не способствует просветлению мозгов поутру, а, наоборот, затуманивает их, эти три дюжины стаканчиков оказались исключением из правила. Я вдруг вспомнил, что в нашем городишке осталось существо, которое я пока еще не достал, хотя уже давно имел основания это совершить. Благо, помоев для выплескивания на его голову набралось вполне достаточно.

К моему удивлению, лавка Хинброкла была почти пуста. В ней не было даже мух. Единственным более-менее живым существом в лавке являлся приказчик. Он восседал на высоком табурете, возложив окованные сапоги на прилавок. Из-под надвинутой до самой бороды черной стетсоновской шляпы доносилось равномерное сопение.

Приказчик, похоже, был новый – прежде я его, точнее, его бороду – не видел. Третий за полгода. Интересно, куда Хинброкл их деваает, гоблинам на мясо продает, что ли? Так ведь там того мяса...

Я осторожно подкрался к прилавку, примерился и старательно провел пальцем по стеклу. Сопение прекратилось.

– Это лавка мистера Хренбокла? – осведомился я, стараясь, чтобы мой голос как можно больше походил на только что извлеченный из стекла звук.

Край шляпы поднялся, явив «городу и миру» перевитые черной тесемкой усы и картофелеподобный нос.

– Чем могу быть полезен, сэр?

– Федеральная налоговая служба, – отрекомендовался я. – Мне необходимо видеть владельца лавки... А заодно уж и ваши учетные книги за три последних квартала. Немедленно.

– Сэр?!

В полном замешательстве приказчик оглянулся в сторону стойки с булавами.

– Ну, – подбодрил я его. – Вы что, плохо понимаете по-английски? Ну-ка, предъявите вашу иммиграционную карточку? Надеюсь, прививки у вас сделаны? Все до последней?

Откуда-то из-под прилавка раздалось что-то шипяще-булькающее, в котором я с большим усилием сумел разобрать что-то вроде «Шхто исчо там?».

– Простите великодушно, сэр, милорд, – выпалил приказчик и юркнул под прилавок.

– Эй, эй, куда же вы? – озабоченно воскликнул я. – Мы же еще только начали. Вот, например, ваша шляпа. Известно ли вам, что, согласно Постановлению номер 42876, Параграф 5 пункт бэ, максимально допустимый размер тульи...

Приказчик вынырнул из-под прилавка, волоча за собой что-то вроде сплюснутого яйца из черного эбонита.

– Да, платок есть, – доложил он яйцу. – Бело-синий, с орнаментом.

– Ясно, – прохрипело яйцо. – Ханко, если тебе так уж приспичило видеть меня, перестань издеваться над Крибеком и спускайся.

– А самому зад оторвать?

– Мне? Подняться наверх?

Яйцо издало мерзкое хихиканье.

– Ладно, ладно. Ты об этом еще пожалеешь, – на всякий случай пообещал я.

– Уже начинаю, – хрюкнуло яйцо. – Проводи его, Крибек.

Как говорил бывало один мой знакомый южанин: «Две вещи ненавижу – расизм и негров». Я тоже недолюбливаю расизм, гномий – в особенности.

Ведь могли же эти проклятые коротышки предположить, что по их проклятым подземным ходам когда-нибудь понадобится пройти человеку нормального роста. Так ведь нет чтобы

проделать хотя бы один приличный ход! Становитесь на колени, наглые, заносчивые больше-ноги, и ползите. Долго.

По-моему, этот ход был низок даже для самих гномов. Да, наверняка. Небось сами-то они здесь не ходят, приберегают. Для таких безмозглых мулов, как я.

Ничего. Хинброкл мне за это заплатит. Он мне за все заплатит!

Ход казался бесконечным. Вдобавок он не был прямым, а петлял и извивался, словно гремучка, которой прищемили хвост. Зуб даю, они сжульничали еще и на этом. Прорыли туннель до канадской границы и теперь надеются втихаря подцепить ко мне вагонетку с рудой.

С другой стороны, странно – я у Хинброкла тут, внизу, уже в четвертый раз. Казалось, мог бы уже запомнить этот клятый ход, даже карту составить. Третий поворот направо – синяк на левом плече. А не получается.

Чует мое сердце, не обошлось здесь без магии. А где пахнет магией – там ничего хорошего ждать не приходится. Свою бы шкуру целой унести.

Свет в конце туннеля забрезжил как раз в тот момент, когда я собрался дать торжественную клятву, что не позже чем через час явлюсь к Хинброклу с ящиком динамита и устрою местным обитателям небольшую проверку на сейсмостойкость.

Я рванулся вперед из последних – ну почти последних – сил, вывалился из хода в просторный, по гномьим, понятно, меркам, зальчик, распростерся на полу и с превеликим наслаждением потянулся.

– Кончай валяться, Ханко, – пролаял где-то справа мерзкий басок Хинброкла.

– Что?! – возмутился я. – Да я еще и не начинал.

– Я тебе сейчас...

– Не кипятись, Хин, – раздался слева какой-то новый, прежде мною не слышанный, но на редкость скрипучий голос – словно челюсть у его обладателя была железная и не смазывал он ее лет сто минимум.

– Пусть лежит, – продолжил скрипучий. – Главное, чтобы ему было что сказать.

Почти вежливый гном?! Это было настолько интересно, что я разлепил веки и сел, благо здесь это можно было сделать, не опасаясь приложиться макушкой.

Первое, что мне бросилось в глаза, – литография на стене. Зеленоватое с отливом чудище ростом, судя по изображенному рядом домику, футов под десять. Длинные лапищи, в избытке оснащенные соответствующих размеров когтями, и оскаленная пасть, полная белых иглообразных зубов.

Насколько я знал, в Запретных Землях, хвала господу, ничего подобного не водилось. Да и вообще, смахивало это творение на кошмар вдребезги упившегося, нет, даже не упившегося, а обкурившего орка.

– О боже, – выдохнул я. – Что это? То есть кто это? Не отвечай, я сам угадаю. Твой любимый дядюшка, не так ли? Теперь я понимаю, Хин, в кого ты пошел характером.

– Куда уж мне до тебя, – проворчал старый пень, даже не подумав при виде гостя вылезти из своего пыльного закутка. – Твоему языку, Ханко, любой скорпион позавидует.

– Итак? – обладатель скрипучего голоса, похоже, не отличался великим долготерпением.

Я перевернулся, постаравшись при этом не сшибить с потолка люстру, и в упор уставился на его обладателя.

М-да. Возьмите Абрахама Линкольна с какого-нибудь до ужаса официального портрета, хорошенько просушите, так, чтобы он при этом сморщился раза в три, а затем облачите в сюртук, вышедший из моды лет семьдесят тому назад. Все это присыпьте белой пылью и накройте сверху стильным ночным колпаком. Получившееся блюдо...

– Итак!

Я выдержал достаточно большую паузу, чтобы дедушка Эйб начал нервно вздергивать бороду, и только после этого, нарочито медленно повернувшись к Хинброклу, сказал:

– Что-то не помню, чтобы ты представлял меня своему другу, Хин.

– Это достопочтенный Корнелиус Крип, член совета старейшин... – торопливо зачастил Хинброкл, осекся, виновато зыркнул глазами в сторону дяди Скрипа и продолжил: – Неважно. Тебе достаточно знать то, что он, как говорите вы, люди, большая шишка и при желании может скупить все Пограничье.

– Если давать за него ровно столько, сколько оно стоит на самом деле, – заметил я, – то это может сделать любой нью-йоркский нищий и у него еще останется на хорошую выпивку.

– Крис, я прошу тебя...

– Да ладно, – я přátельски улыбнулся мистеру Скрипу. – Приятно познакомиться, Корни. Вы не будете против, если я вас буду так называть? Длинные имена трудно произносить, по себе знаю.

– Итак, – в третий раз повторил Скрипучка. – Вы хотите нам что-то сообщить?

Тон, которым он произнес эту фразу, подразумевал, что если я немедленно не выложу им, скажем, план подкопа под Форт Нокс, то выбраться из этих нор мне будет не суждено.

– Сообщить, – я сделал вид, что задумался. – Да, пожалуй, что нет.

И, прежде чем оба гнома успели взвиться под низенький потолок, добавил:

– Спросить хотел.

– Ну!!! – это был хоровой крик страдающей души.

– Вы случайно не знаете, что могло срочно потребоваться в Запретных Землях вампирше и странному испанцу, смахивающему на недорезанного Кортесом ацтека? – вкрадчиво осведомился я.

– Вампирша? – голос Хинброкла был исполнен такого искреннего негодования, что я на миг усомнился в своих расчетах. – Ацтек? Ханко, что ты несешь...

– Хин!

От этого окрика старину Хинброкла буквально вбило в глубь его угла.

– Не будете ли вы так любезны, мистер Ханко, – медленно сказал достопочтенный Корнелиус Крипп, – еще раз повторить свой вопрос и заодно, если вас, конечно, не затруднит, описать этих... господ подробнее.

– Испанцу на вид лет тридцать-сорок, – начал я. – Черные глаза, черные волосы и борода того же цвета. Не такая роскошная, как у тебя, Хин, но вполне приличная. Подошел ко мне прошлым утром на станции и предложил поучаствовать в охоте на вампиршу. Я отказался.

– А она?

– Невысокое бледное создание. Очень жаждет попасть в глубь Запретных Земель. Если мрачный дон не соврал, уже успела подбить на эту авантюру Черного Хорька.

– Э-э, – старина Скрип, наконец, очнулся от спячки. – Мистер Ханко, простите мою нескромность, э-э, не показывала ли вам эта дама, э-э, некий предмет?

– Только кружку морковного сока! – фыркнул я.

– Жаль, весьма жаль, – задумчиво протянул гном. – Тогда бы мы могли судить определеннее.

– Не могли бы вы просветить меня, – произнес я самым любезным тоном из всех, на которые был сейчас способен, – что мне спросить у этой дамы в следующий раз? Если, конечно, мне представится такая возможность.

– М-м-м, – мистер Скрипучка озадаченно подвигал бородой. – Вы разбираетесь в минералах?

– У меня нет диплома, но золотую руду я почую за три мили. И отличу ее от обманки. Решайте сами, устраивает вас это или нет.

– Что вы скажете... – их достопочтение засучил ручонками по бесчисленным пуговицам своего сюртука. Похоже, расстегнуть их было сложнее, чем взломать несгораемый шкаф без помощи динамита. – ...Вот об этом?

– Хм, – я озадаченно уставился на невзрачный серый камешек. Будь он чуть более плоским, я бы принял его за осколок дешевой бутылки. И, в любом случае, не стал бы за ним нагибаться. А вот если присмотреться...

Камешек определенно обладал какой-то магической аурой. Странное туманное сияние. Никогда еще такого не видел – и не жалею. Долго смотреть на него было отчего-то неприятно.

– Какая-то магическая дешевка, – пожал я плечами. – Похоже на плохо заговоренный амулет.

– Это – серый халцедон⁶, – наставительно сказал гном, пряча кулон обратно. – Думаю, у вампирки есть такой же, равно как и у ацтека.

Интересно, какую тяжбу они собираются выигрывать с его помощью? Других подходящих для гномов применений амулетов из халцедона я вспомнить не мог. Серый, хм... вообще-то халцедонами частенько норовят обозвать целую группу кварцев, начиная от агата и кончая ониксом. Вот если бы они мне синий показали.

Демонстрировать все эти познания Скрипучке я, понятно, не собирался, а потому задал встречный вопрос.

– А у федеральной экспедиции?

– Возможно. Хотя профессор Моргенау и может заменить его... в какой-то степени.

– Мор – кто?

– Профессор Генри Моргенау, – начал Скрипучка. – Довольно известная личность... в узком кругу астрологов. Я бы даже назвал его одним из лучших, из числа ныне живущих... из числа людей, разумеется.

Ну да, можно подумать, гномы так часто любят звездным небом...

– В принципе, астролог такого класса может локализовать место с достаточной степенью точности, – продолжал вещать гном. – Скажем, до мили. Не идеал... но федеральное правительство это, похоже, устраивает.

– Лока... – чего? – я не собирался выходить из образа недалекого жителя окраины. – Мистер, перестаньте сыпать мудреными словечками, у меня от них за ушами чешется.

– Это твои мысли по извилинам ползают, Ханко, – подал голос из своего угла Хинброкл.

– Неважно, – отмахнулся Скрип. Он подался вперед, вглядываясь своими глазками, казалось, в каждую складку моего шейного платка.

– Мистер Ханко, на каких условиях вы бы хотели работать на нас?

Черт. Теперь уж для меня пришло время крепко задуматься. С одной стороны, нельзя было продешевить, с другой же – я все еще не имел ни малейшего понятия, о чем идет речь.

А-а, блефовать так блефовать.

– Как насчет десяти процентов? – осведомился я с милой улыбкой на устах.

Гномы с ужасом переглянулись.

– Э-э, послушайте, мистер Ханко, – начал Скрип. – Я не совсем уверен... вы ведь понимаете, что значение, э-э... предмета нашего разговора достаточно трудно оценить, тем более в денежном эквиваленте... вы ведь предпочтете именно такую форму вознаграждения?

– Обычно – да, – кивнул я. – Но готов рассмотреть и другие... эквиваленты.

Мой внутренний голос визжал, словно с него снимали скальп.

– Может, вы все-таки назовете сумму, способную... хотя бы в первом приближении...

– Папаша, я же сказал, без мудреных словечек! – рявкнул я, одновременно лихорадочно пытаюсь просчитать обстановку. – Может, – добавил я уже более спокойным тоном, – вы сначала выскажете свое предложение?

⁶ Халцедон – поделочный камень из группы микрокристаллических кварцев. Голубоватый камень с тонкими параллельными прожилками. Встречается почти оттенков, кроме синего. Испытанное средство против химер, жара при лихорадке, судорог, вспышек гнева и дурного глаза.

– Ну... – Скрип замялся. – Возможно... пятьдесят тысяч долларов...

Я с огромным трудом удержался от того, чтобы заорать на всю проклятую пещеру: «Сколько?»

– Это, – я выдавливал слова по капле, чтобы наружу не просочились бушевавшие во мне эмоции, – несерьезно. За такую сумму... вы не наймете... даже паршивого койота... который мог бы... провести вас туда... и вернуться.

– Но, – удивленно отозвался Скрип, – я думаю, что с возвращением проблем не возникнет.

– Да ну, – для того чтобы изобразить скептическую ухмылку, мне пришлось взяться за челюсть рукой, – а мой опыт категорически утверждает, что как раз тогда проблемы и начинаются.

Слово «категорически» уже выбивалось из образа недалекого парня, но, по-моему, этот мой ляп прошел незамеченным.

– Боюсь, мистер Ханко, – медленно произнес Скрип, – что я не располагаю всеми необходимыми полномочиями... мне необходимо будет посоветоваться...

– Сколько вам будет угодно, – осклабился я. – Но учтите – без достойного аванса я не шевельну и пальцем. Хин может подтвердить.

На самом деле, далеко не всегда. Фортуна – девка капризная.

– Э-э...

– Ну что еще?

– Мне бы хотелось, – начал Скрип, – заключить с вами, э-э... нечто вроде договора о намерениях.

– Че-его?

– То есть, – заторопился гном, – получить ваше согласие работать на нас. Естественно, в том случае, если нам удастся достигнуть компромисса в вопросе о вашем гонораре.

– Заметано, – поспешно сказал я. – Можешь передать своим, что если мы сойдемся по мани-мани, то все будет чики-чики.

Пограничный жаргон на пару секунд вверх бедного мистера Скрипучку в ступор. Надо отдать ему должное, вышел он из него достаточно быстро.

– Что ж, очень рад, мистер Ханко, что мы сумели прийти к взаимопониманию. К сожалению, я вынужден вас покинуть. Э-э... не желаете ли пока заняться подбором необходимого снаряжения?

Ха. Об этой стороне дела я подзабыл, увлеченный круглыми цифрами. А ведь если экспедицию снаряжают гномы...

Судя по жалобному стону, который прозвучал из Хинова угла, его тоже посетила эта мысль.

– Уин, – громко позвал Скрипучка. – Зайди.

Низенькая, окованная стальными полосами дверь в конце зальчика тут же распахнулась, и в проем – подслушивал он там, что ли? – пригнувшись, вошел еще один гном. Или не гном?

Одет вошедший был в короткую коричневую куртку, того же цвета пропыленные брюки, а в руке держал черную шляпу – точь-в-точь как у приказчика наверху. И он был заметно выше обычного гнома – так, что вполне мог сойти за невысокого человека плотного сложения. Полукровка? Очень вероятно.

– Это, – мистер Скрип прокашлялся, – мой, э-э, доверенный. Вы можете звать его просто Уин, так как его настоящее имя вам будет затруднительно запомнить. Уин – это мистер Ханко.

– Можно просто Крис, – вмешался я.

– Очень приятно, – произнес гном. – Мне доводилось слышать о вас.

– К сожалению, не могу сказать того же, – отозвался я.

Если... если... до меня доходили слухи о некоем малыше Уине. Парень, который в Эском-сити за пару секунд превратил пятерых ганфайтеров⁷ в кровавый фарш.

– Я, – гном слегка наклонил голову, – не столь известен.

А под курткой у него определенно что-то топорщится. Что-то габаритное, не меньше, а то и побольше моего «тигра», причем и справа и слева. Обоерукий стрелок? Только этого мне не хватало.

– Уин, проводи мистера Ханко на второй склад, – распорядился Скрип. – Пусть он отберет... все, что сочтет нужным.

– Достопочтенный Корнелиус! – взвыл Хинброкл. – Может, все-таки на третий?

– Заткнись! – оборвал его Скрип. – Ты не понимаешь, что поставлено на кон!

Мы с Уином дружно притворились, что семейная сцена нас не касается.

Любопытно. Третий склад – это место, где я пасусь обычно. Первый – «только для своих», в смысле для гномов. А что находится на втором?

– Пойдемте, мистер Ханко, – окликнул меня Уин.

– Крис, – напомнил я, стигаясь, чтобы протиснуться в узкую темную нору, которую Хинброкл упорно именуется коридором.

– Заметано, – по голосу я не мог судить точно, но, по-моему, полукровка улыбнулся.

Второй склад по размерам ненамного превосходил зальчик, который мы только что покинули, а освещен был и того хуже.

– Вот, – сказал Уин. – Справа оружие, слева снаряжение. В дальнем конце – боеприпасы и взрывчатка.

– Бог мой! – только и сумел выдохнуть я.

Полукровка по-хозяйски прошелся вдоль полок.

– Выбирать придется, в основном, тебе, потому что я Пограничья не знаю. Бывал пару раз, наездами. Мистер Крип предпочитает города. Могу посоветовать кое-что.

– Посоветуй, а? – жалобно попросил я. – Я тут и половины не знаю.

– Вот, например, – Уин вытащил откуда-то снизу тускло блеснувший серебром сверток. – Мифрильный жилет. Выдержит выстрел из вашего «спрингфильда» в упор, правда, – полукровка усмехнулся, – ценой пары ребер.

– А весит сколько? – полюбопытствовал я.

– Семнадцать фунтов.

– Немного.

– Когда жилет надет, вес равномерно распределяется по телу, – заметил Уин.

– Ага, – кивнул я. – Только когда мы будем ползти пешком по пустыне...

– ...я с превеликой радостью поменяю эти фунты на лишний глоток воды, – закончил гном. – Поэтому я и говорю – выбирать тебе.

– Что из оружия посоветуешь?

– Хм... – Уин задумался. – В этом зале... у тебя ведь «тигр»? Хорошая модель... потом надо будет подобрать к нему патроны. Можешь на всякий случай взять еще что-нибудь более тяжелое. «Дракона» или, например, этот «носорог».

– Да, вот еще что, – вспомнил я, – мне понадобится... – я произвел в уме несколько подсчетов, умножил получившееся число на два и добавил для верности еще пять фунтов. – ...Шестьдесят фунтов динамита. Найдете?

– Динамита? – переспросил Уин. – Хм... можно. А тебе обязательно нужен именно он? Тут есть более мощная взрывчатка. Тринитротолуол.

– Мне это ничего не говорит, я не алхимик. Она надежна?

⁷ **Ганфайтер** (gunfighter), или **ганмен** (gunman) – стрелок-профессионал; человек, хорошо владеющий огнестрельным оружием.

– Ага, и при этом впятеро мощнее. Шестьдесят фунтов тебе хватит, чтобы сровнять с землей половину здешних поселений.

– Поверю специалисту.

– Он надежен, – повторил Уин. – Мне доводилось с ним работать пару раз.

– Вы закончили мародерствовать? – сунулось в дверь недовольное рыло Хинброкла.

– Пока нет, – отозвался я. – А ты, Хин, шулер.

– Что?

– Мухлюешь ты, старый пень, вот что. Тут нет того, что должно быть!

– Это чего же? – насупился Хинброкл. Презабавное зрелище – насупившийся гном.

– «Черный король», Хинни, – ласково пропел я. – Мне нужен «Черный король».

– Да ты... – задохнулся Хинброкл. – Ты знаешь, сколько он стоит?

– Знаю, – кивнул я. – Двадцать пять тысяч звонких долларов.

– Ты принесешь его сам? – осведомился Уин, становясь рядом со мной. – Или это сделать мне?

Глава 3

Ыгыр Ойхо Третий, парящий орел

С высоты орлиного полета железная дорога казалась двумя блестящими нитками, а вагоны на ней – крохотными приплюснутыми квадратами.

Ыгыр Ойхо Третий, старший шаман гоблинов Кривого Ручья, плавно взмахнул крыльями и в очередной раз начал выписывать над станцией следующий круг.

– Железная змея бледношкурых вползла в свою нору, – нараспев произнес он. – И мечет из своего брюха синюю икру.

У сидящего напротив вождя враз отвисла челюсть.

– Че... Чего?

Ыгыр моргнул и выпал из священного транса.

– Бронепоезд прибыл на станцию, дубина! – прорычал он. – И выгружает солдат.

– Много?

– Хрен его знает, – раздраженно ответил шаман. – Не успел я их сосчитать. А все из-за тебя, гнилозубого. Я этого стервятника четыре часа на самом солнцепеке караулил.

– Ек! – вождь хлопнул ладонью по земле. – Ну хоть примерно?

– Больше роты, меньше полка, – шаман сграбастал одну из многочисленных тыквенных бутылей, выбил затычку, прополоскал пасть и – вождь едва успел отстраниться – прицельно харкнул сквозь щель в пологе. Снаружи донесся залп отборной ругани.

– Неужто собрались-таки железку дальше тянуть? – предположил вождь.

Ыгыр задумчиво поскреб пузо.

– Не-а, – заявил он, изучая образовавшиеся под когтями наросты грязи. – Бронепоезд-то правительственный.

– А может, и купленный, – усомнился вождь.

– Ты че? – возрился на него Ыгыр. – Ты хоть прикидываешь, сколько эта хренотень стоит? И потом, солдаты-то уж точно самые что ни на есть правительственные.

– Какого же им тогда орка здесь надо?

– А нам не по пню? – оскалился шаман. – Главное, чтобы их планы не сбылись, а вот наши – наоборот. Так что, созывай Большой Костер, вождь.

– Думаешь? – настороженно переспросил вождь. – Так вот сразу и Большой?!

– Да, так вот сразу и Большой! – передразнил его шаман. – А ты чего хочешь – сидеть и зад скрести, пока тебя за него не подпалят? У нас пять кривых рук воинов в набеге. Если этим чокнутым человекам вздумается прямо на нас ломануться – сидеть нам с тобой в скором времени под Священной Задницей Спящего. А другие, кто поумнее, будут в это время добычу делить.

– Не, ну че, точно думаешь, всех надо звать? – продолжал сомневаться вождь. – И Белого Мымрика, и Фуура?

– И Мымрика, и Фуура, и даже Грызма, – подтвердил шаман. – И к оркам с троллями тоже заодно гонцов зашли. Знаешь же, чем больше навалимся...

– ...Тем меньше каждому достанется, – заметил вождь. – И Углуука, скажешь, тоже звать?

– А он что, не гoblin? То есть, – поправился шаман, – он, конечно, тварь пятнистая, а не гoblin, но все равно зови. Пригодится. Кстати говоря, под шумок можно будет попробовать его и... того.

– Ну, смотри у меня, – вождь грузно приподнялся на лапы. – Если... если вдруг окажется, что я зря Большой Костер распалил...

– Не окажется, – буркнул Ыгыр. – Особенно если ты сейчас выдашь Одноглазому Тюлле связку динамита и пошлешь его к Эмврийскому холму. Там железка как раз так хорошо заворачивает...

– Сам знаю, – огрызнулся вождь. – Ты лучше того... еще одного орла попробуй поймать.

– А на пень он мне сдался, на ночь глядя?! – осведомился шаман. – Я уж тогда попробую нетопыря поймать.

– Тоже... э-э, правильно, – сказал вождь. – Ты главное, того, действуй.

– Непременно поймаю, – прошипел шаман, глядя вслед вождю. – Дождусь, когда ты речь перед Большим Костром толкать начнешь, и насру тебе на бошку! У-урыл!

Кристофер Ханко, парень нарасхват

– Мистер Ханко?

Что-то последнее время слишком много народу начало обращаться ко мне излишне официально. Куда делось старое доброе: «Пойдем, старина, пропустим стаканчик, другой»?

Я медленно обернулся. М-да, давненько ко мне не обращались люди в синей форме.

– Не узнаете меня?

– Признаться, не с первого взгляда, капитан, – отозвался я. – Кстати, поздравляю с повышением. В той долине вы были еще лейтенантом.

Они тогда появились очень вовремя для нас – мы как раз решали, хватит патронов на две хорошие атаки или с нас будет достаточно одной. И тут, словно в дешевой сказке, появилась та самая кавалерия из-за холмов.

– Можно просто Патрик, – улыбнулся кавалерист.

– Тогда – просто Крис.

– Идет.

– Вы с бронепоезда? – кивнул я в сторону станции.

– Нет, – капитан скривился. – Я еще не настолько выжил из ума, чтобы передвигаться по Пограничью на этом чадном сундуке.

– Да, этот венец цивилизации на наших диких просторах смотрится... несколько непривычно.

– Надеюсь, он успеет убраться отсюда, прежде чем по-настоящему запахнет жареным, – сказал Мигер. – К сожалению, не могу сказать того же о себе.

– Сэр... прости, Патрик, а что вообще за каша заваривается в нашем тихом захолустье? – спросил я, стараясь, чтобы мой голос звучал при этом как можно более естественно. – Бронепоезд... солдаты, какие-то господа чуть ли не из самого Вашингтона... по городу ходят самые невероятные слухи.

– Например?

– Ну, два последних, которые мне довелось услышать – что в Запретных Землях нашли золото, хотя, по правде говоря, найти его просто, куда сложнее унести. И что правительство решило, наконец, объявить войну Союзу Племен.

– Последнее, – вздохнул Мигер, – похоже, скоро произойдет вне зависимости от желаний господ чиновников.

– О да, – кивнул я. – Сам факт появления этого, как ты выразился, чадающего сундука будет воспринят большинством вождей как личное оскорбление.

– Будь моя воля, – начал кавалерист, – я бы заставил этих беременных мулов-пехотинцев... – он резко оборвал фразу, скрипнув напоследок зубами.

– Но с господами из госдепа этот трюк не покатит, – заметил я. – И все-таки, Патрик, что происходит?

– Вообще-то это секретные сведения, – Мигер задумчиво оглянулся вокруг. – Но, поскольку их все равно через пару часов будет знать последняя подзаборная шавка... ловите. Картографическая экспедиция.

– Патрик, – сказал я после продолжительной паузы. – Ты уверен, что мы вкладываем в это понятие одинаковый смысл? С тех пор, как на ужин к оркам попал лейтенант Пайк⁸, все географы дружно малюют на месте Запретных Земель слова «Великая Американская Пустыня».

⁸ В Нашем Мире экспедиция лейтенанта Пайка в 1806 году благополучно исследует район Великих Равнин и признает их «непригодными для цивилизации». Как «Великая Американская Пустыня» эта местность обозначалась на картах вплоть

– Готов поспорить, тот тип в Вашингтоне, которые все это придумал, очень гордился собой, – усмехнулся капитан. – Составить карту Запретных Земель, что может быть проще? В конце концов, это территория САСШ, и сей факт признан всеми цивилизованными странами.

– Угу. Проблема лишь в том, Патрик, что не вкусившие пока плодов этой самой цивилизации гоблины с троллями отнюдь не собираются способствовать успеху вашего начинания.

– Когда это политиков смущали такие мелочи?

– Патрик, – я постарался, чтобы мои слова звучали как можно проникновеннее. – Попробуй отговорить их от этого. Эти типы из Вашингтона... пусть они полные идиоты, но не самоубийцы же. Если вы углубитесь в Запретные Земли на сто миль, вас не спасет и вся армия САСШ.

– Ты же был в армии, Крис, – печально отозвался Мигер. – Первое правило обращения с вышестоящим начальством...

– Не... плевать против ветра, – я собирался употребить более обыденное слово, но вовремя вспомнил, что все-таки разговариваю с офицером. – Я это знаю... очень хорошо знаю...

Меня, похоже, начало трясти.

– Может, зайдем, перехватим по стаканчику? – неожиданно предложил Мигер, кивая на призывно распахнутые створки «Хромого мустанга».

– Не откажусь.

Внутри салуна нас встретил душный полумрак, гудение дюжины мух, храп какого-то ковбоя на столике около входа и не менее звучное сопение устроившегося в углу тролля, баюкавшего в своих лапищах здоровенную кружку пива.

– Текилу, – сообщил я притаившемуся за стойкой Маленькому Джонни – полукровке с болезненно-реденькой бородкой.

– Две, – добавил Мигер. – И не забудь протереть стаканы.

Маленький Джонни недружелюбно – ему не приходится для этого слишком напрягаться – посмотрел на Мигера снизу вверх, нарочито медленно стянул с подставки стакан, выудил из нагрудного кармана красный клетчатый платок и начал демонстративно водить им по краю стакана.

– Хватит, Джонни, – поспешно сказал я, видя, что стоящий рядом со мной ирландец вот-вот взорвется, да так, что «Хромого мустанга» надо будет собирать даже не по досточкам, а по щепкам, причем довольно мелким.

Джонни смерил меня не менее недружелюбным взглядом и, отставив несчастный стакан в сторону, снял с подставки два других.

– У меня, – сообщил он, ловко опрокидывая над ними бутылку, – все стаканы – чистые. Всегда.

Мигер промолчал, но, когда мы отошли к столику, он долго и придиричливо рассматривал свой стаканчик на фоне щелей в ставнях, прежде чем, наконец, последовал моему примеру и опрокинул его себе в глотку.

– Уф!

– Так вот, Патрик, – продолжил я, отдышавшись. – Однажды... мне довелось выслушать подобный приказ. Нашему взводу приказали атаковать выдвинувшееся вперед орудие конфедератов. Мы примкнули штыки... и пошли... а потом побежали... – я осекся.

Шейный платок вдруг превратился в удавку, стягивающую горло. Я вцепился в него, стараясь ослабить узел, а перед глазами вставало поле, накатывающиеся волны травы – и жерло пушки, опускающееся все ниже.

– Они подпустили нас, – я, наконец, справился с платком. – И пальнули картечью.

Мигер задумчиво крутил в руке опустевший стаканчик.

– У меня, – я сглотнул подступивший к горлу комок, – хорошее зрение. Когда я увидел, как конфедератский офицер махнул рукой... я успел упасть. А когда поднялся...

– В меня тоже однажды стреляли картечью, – неожиданно сказал кавалерист. – Еще в Ирландии. Очередное выступление... я даже не помню, чего именно мы требовали тогда. Мне тогда было всего двенадцать, и старшие сказали, чтобы я не путался под ногами. Но я просто затерялся в толпе и пошел со всеми. – Мигер замолчал, точь-в-точь как я.

– Красномундирники преградили нам путь, и их офицер крикнул, чтобы мы расходились. А потом... он скомандовал: «Открыть огонь по мятежникам» – и королевские пушки дали залп. В тот день на площади остались лежать сто двадцать шесть наших, – Патрик тяжело вздохнул. – Один из них был моим братом, а другой – дядей.

– Когда я поднялся, – в тон ему отозвался я, – все вокруг лежали. Парни из моей роты... я был самым молодым, мальчишка-доброволец, и половина из них звала меня «сынок», что меня всегда жутко бесило. Они лежали... а когда я посмотрел вперед, то увидел, что конфедераты заряжают пушку для нового залпа.

– И что же ты сделал?

– Я поднял «кольт» капрала Броуза и побежал, – сказал я. – Так быстро, как не бегал и, наверное, уже не пробегу никогда.

– Судя по тому, – сказал Мигер, – что передо мной сидишь ты, а не какой-нибудь конфедератский артиллерист, ты добежал быстрее, чем они зарядили пушку.

– Именно, – кивнул я и, повернувшись, заорал: – Джонни, еще по одной!

– Послушай, Крис, – неожиданно сказал Мигер после того, как мы снова опустошили стаканы. – А ты бы не взялся поработать немного на правительство?

– Что? – я поперхнулся остатками текилы. – Наняться проводником к *вам*? Патрик, я что, так похож на самоубийцу?

– Ну, я не имел в виду, что ты будешь ехать в голове колонны, – пояснил Мигер. – Для этого у нас есть полковник Кребс со своей гнедой кобылой. А вот тихонько проскользнуть вперед, разнюхать то да се и, когда тучи соберутся, вовремя подать знак.

– Это может проделать любой из ваших парней, капитан.

– Не-ет, – мотнул головой Мигер. – Мои ребята хороши против небольших набеговых отрядов, но сумеют просочиться мимо половины Союза Племен им не по зубам. Для этого нужен такой скользкий тип, как ты, Крис.

– Спасибо, Патрик.

– Я ведь слышал о тебе кое-что, – продолжил Мигер. – Ты слывешь осторожным... некоторые олухи называют это трусостью, за глаза. И в то же время ты по доброй воле ныряешь в дерьмо, от которого шарахаются самые безрассудные, и вынырываешь оттуда с кошельком в зубах.

– Еще раз спасибо за комплимент, капитан, но мой ответ – нет. Помимо прочих соображений... я уже нанят.

– Да? И кто же твои наниматели?

– Вообще-то у проводников не принято отвечать на подобные вопросы, – заметил я. – Но ты уже поделился со мной секретными сведениями, да и тайна эта такая же протухшая, как и твоя. Мой наниматель стоит в дверях за твоей спиной и подает мне знаки, чтобы я не вздумал расслабляться.

Мигер резко обернулся и увидел прислонившегося к стояку Малыша Уина, с деловым видом раскуривавшего длинную кубинскую сигару.

– Гном?! Какого черта потребовалось гномам в Запретных Землях?

– Хороший вопрос, капитан, – сказал я, вставая. – Подумайте над ним как-нибудь на досуге, ладно? И... удачи, Патрик.

– Тебе того же, Крис, – серьезно сказал Мигер. – Она... пригодится нам обоим.

* * *

– Что надо было от тебя этому синемундирнику? – недружелюбно осведомился Малыш Уин, когда мы вышли на улицу.

– Да так, – усмехнулся я, – пытался убедить меня принять участие в крестовом походе в рядах истинных защитников веры.

– Без шуток? У тебя, часом, не неприятности? Если что, я могу...

– Спасибо за заботу, мамочка, – не знаю с чего, но на меня вдруг напал приступ исключительно хорошего настроения. Интересно, с чего бы? Не с двух же стаканчиков текилы. По такой жаре у меня лично текила может вызвать разве что приступ меланхолии. – Но свои проблемы я привык решать сам, особенно когда их нет. Мы с капитаном Мигером просто зашли пропустить пару стаканчиков.

– Вы с ним что, друзья? – недоверчиво спросил Уин.

– До сего дня не были.

Полукровка задумался.

– Так ты говоришь, он хотел нанять тебя?

– Угу, – кивнул я. – Что обычно нехарактерно для правительства.

– Должно быть, – медленно сказал Малыш Уин, – они придают этой экспедиции очень большое значение.

– И, – заметил я, – не одни они.

Честно говоря, меня так и подмывало выложить Уину, что я не имею ни малейшего представления, из-за чего затеян весь этот сыр-бор. Но, поразмыслив, я решил отложить эти откровения до более подходящего времени – скажем, третий-четвертый день пути, когда мы уже гарантированно не сможем повернуть обратно. Он, конечно, на вид неплохой парень, этот полукровка, но кто их гномскую душу разберет? Вон церковные иерархи добрую тыщу лет не могли определить, наличествует ли у гномов душа вообще или они относятся к разряду «разумных животных».

– Три роты 69-го Нью-Йоркского, – задумчиво сказал Малыш Уин. – Бронепоезд. Эти ребята настроены серьезно.

– Ты забыл упомянуть кавалерию, – сказал я. – Неполная рота под командованием моего нового друга Патрика.

– В связи с этим, – продолжил полукровка, – встает вопрос, какую стратегию нам лучше избрать? Выйти как можно раньше и попытаться опередить остальных или пристроиться в кильватер?

– Куда?

– В кильватер, – повторил Уин. – Морской термин, означающий: следовать за кем-то.

– Я что, похож на морского волка?

– Прости, – смутился полукровка. – Мне довелось одно время поплавать... в Южных морях. С тех пор иногда... проскальзывает в речи. Хотя мистер Крип это ужасно не любит.

– Да и я тоже не люблю... – усмехнулся я, – когда мне говорят то, чего я не понимаю.

– Я, – напомнил Малыш Уин, – извинился.

– А я заметил. И оценил. Хотя на самом деле, – продолжил я, – вопрос, который ты поставил, на самом деле не стоит и даже не лежит. Если мы не выйдем к вечеру, а еще лучше – через пару часов, нам останется только уговаривать парней с бронепоезда выделить нам пару футов крыши.

– Думаешь?

– Поправка, – я наставительно воздел палец. – Уверен. Не знаю, правда, успели ли гоблины прослышать про Большой Железный Сундук, но готов поставить десять к одному, что Большой Костер запылает уже этой ночью.

– Скреглик млин! – Судя по тому, с каким выражением Малыш Уин выдохнул эту фразу, я только что обогатил свой лексикон гномским ругательством.

– Мне доводилось слышать про Большой Костер.

– А мне, – медленно сказал я, – довелось видеть.

Большой Костер 1872 года. Я тогда только начинал работать проводником. Будь у меня на пару унций опыта больше... никогда бы не согласился на предложение того паренька.

Мы спрятались в узкой щели в стене каньона. Этот чертов придурок-баптист выпил всю свою воду в первый же день и на второй, после полудня, когда солнце достало до нас своими лучами, он начал ныть, клянчить, умолять... потом перешел к угрозам, перемежаемым бессвязными молитвами. Я не стал ждать, пока он, наконец, решится напасть – достал свой «боуи» и объяснил, что перережу ему глотку в тот же миг, когда он коснется моей фляги. Тогда он снова начал ныть, и пришлось пообещать прирезать его и в том случае, если он не заткнется.

А ночью на дне каньона запылал огонь.

Никогда в жизни я не видел более мрачного и величественного зрелища. И, надеюсь, не увижу.

Тысячи и тысячи нелюдей – орков, гоблинов, троллей и других. О некоторых я и не слышал до того дня. Темная масса, затопившая каньон, словно море...

Изредка до нас доносились крики приносимых в жертву. Их было немало – путешественников вроде нас, жителей дальних ферм, не успевших почуять приближающуюся грозу и убраться за стены фортов... впрочем, те, кто успел это сделать, лишь оттянули неизбежное – из пятнадцати фортов уцелело лишь два.

Пару раз, когда крики были особенно пронзительные – наверное, их издавала женщина или ребенок, – мне приходилось сражаться с баптистом, которой рвался... не знаю, что он собирался сделать...

Хуже всего был третий день. Прямо под нами расположился отряд гоблинов, и я боялся лишний раз шевельнуться – слух у этих ребят отменный, равно как и чутье. Мне еще повезло, что мой наниматель выбрал именно этот день, чтобы вручить свою душу Всевышнему – с утра он еще стонал и даже пытался шевелиться, а к вечеру уже остыл.

А ночью все повторилось снова. Я пытался заснуть, точнее, свалиться в бредовый кошмар... до тех пор, пока в один из моментов просветления не обнаружил, что сижу на краю щели и радостно хохочу, глядя на мечущиеся в пламени фигурки. Пришлось прицепиться ремнем к телу баптиста – благо он уже успел заоченеть и вполне годился на роль якоря.

Они ушли под утро.

– Наш единственный шанс, – медленно сказал я, – оставить между собой и федеральной экспедицией как можно большее расстояние. Попытаться прорваться границу во время сбора... и молиться, чтобы Союз Племен не очень интересовался, что происходит за их спинами.

– Я понял, – Малыш Уин с сожалением посмотрел на тлеющий огрызок сигары и тщательно втоптал его в песок. – Что надо делать?

– Мне, – я воровато огляделся по сторонам, – осталось обстригать одно дельце... думаю, это не займет много времени. Заодно прикуплю кой-чего.

– Сколько? – лаконично осведомился Уин.

Я произвел в уме быстрый подсчет.

– Сотни хватит с лихвой.

Кошелек мне пришлось выхватывать из воздуха буквально перед глазами – Уин бросил его почти без замаха. Хороший бросок...

– Ты пока можешь собрать все, что мы выжали из бедолаги Хинброкла, – сказал я. – А потом... просто выходи из города и иди в сторону солнца. Через три мили увидишь холм с двумя кактусами, на правом болтается коровий череп. Я буду ждать тебя под этим холмом.

– Собрать все... – задумчиво повторил полукровка. – Крис, вообще-то мы отобрали довольно много. Я, конечно, могу взять тележку, но как далеко...

– Точно, – я с силой хлопнул себя по лбу. – Так и знал, что непременно забуду тебе сказать. Видишь во-он тот черный забор? Это конюшня Пао Рутгера, хозяина «Железной подковы». купишь там осла.

– Осла?

– Именно, – кивнул я. – Серенького такого ослика, желательно поменьше ростом... если, конечно, там будет из кого выбирать. Обычно там есть парочка... не считая приказчика.

– Я мог бы купить лошадей, – предложил полукровка. – Хотя, признаюсь, верховая езда никогда не входила в число моих любимых занятий.

– Уин, – я церемонно приложил ладонь чуть повыше кармана для часов. – Я мог бы прочитать длинную лекцию о сравнительных достоинствах и недостатках различных средств передвижения по Пограничью, но времени у нас немного, а посему очень прошу тебя – просто поверь мне на слово.

– Верю, – серьезно сказал Уин. – Мы ведь партнеры, не так ли?

– Партнеры, – согласился я.

Глава 4

Иллика аэн Леда, ненужная принцесса

«В предутренний час, когда языки тумана, в последний раз коснувшись черных скал, потянулись прочь от берега, белопарусный корабль возник из серой мглы. Легли на влажный песок резные доски сходен, и звонко простучали по ним копыта единорога, чья шелковистая шерсть источала волшебное сияние. А на спине его восседала прекрасная эльфийка в блистающих доспехах, и зеленый плащ струился за ней...»

Так бы начал свою речь старый зануда Вальери, если бы вдруг воспылал желанием сделать из этой истории одну из своих заунывных баллад. Только желание у него такое никогда не возникнет – старый лентяй и ногтем не пошевелит без королевского указа или не менее королевского задатка. Ну и ладно. Как говорят в таких случаях люди – не больно-то и хотелось. Тем паче что происходило все вовсе не так.

Никакого белопарусного корабля, конечно, и в помине не было. Все четырнадцать королевских ниелей порхают, как прилежные пчелки, между Шанхаем и лондонскими доками, вызывая своими изящными очертаниями зубовный скрежет владельцев чайных клиперов. И приносят каждым рейсом очередную толику презренного желтого металла в королевский сундук. Неизвестно, откуда у его Светлого Величества прорезалась такая тяга к низменному торговашеству. По моему мнению – которое, впрочем, никому не интересно, – без толики гномьей крови здесь не обошлось. Просто род Фелеаноров имел куда больше возможностей неторопливо и вдумчиво, как и подобает истинным эльдарам, ознакомиться с хранимыми в Синей Башне летописями, что было недоступно всем прочим родам. Кто бы сомневался, что после подобных изысканий на Высоком Троне в блеске и славе окажутся именно чистокровные Перворожденные – в отличие от прочих претендентов, в предках у которых «вдруг» оказывается то гном, то фэйри... а одной принцессе достался человек. Спасибо хоть не орк или тролль.

Разумеется, ради такой принцессы никто не будет отвлекать корабль от действительно серьезного дела. Старейшины в Совете могут хоть сутками напролет талдычить о важности Миссии – их Светлое Величество, как говорят в таких случаях люди, чихать на них хотел. Ах, у вас Великая Миссия – так нате вам для нее принцессу, правда, не совсем первосортную, но вполне пригодную к употреблению, а в придачу к ней королевское благословение. Но о корабле даже заикаться не смейте. И о единороге тоже. Вы хоть представляете себе, сколько стоит его рог на аукционе в Сити?

А посему на американский берег я сошла не по любовно выточенной моими сородичами досточке, а по железному трапу, спущенному с борта новенького парохода-трансатлантика «Германик». Да, конечно, я преотлично знала, что эти пароходы – уродливый плод союза людей и гномов, железные монстры, грубо вспарывающие своими винтами океанские волны, а вид их труб, извергающих искры и дым, и вовсе должен повергнуть истинного Перворожденного в священный трепет.

Чего я не знала – так это того, что в каюте первого класса будет горячая вода и ванна, в которую эту воду можно налить. Что, несмотря на инкогнито, вокруг меня будут постоянно виться полдюжины воздыхателей, готовых по первому же движению бровей прыгнуть за борт в поисках ракушки со дна морского. Признаюсь, для принцессы, которую половина слуг во дворце – то есть, конечно, не слуг, ибо истинный эльдар никогда не опустится до участи слуги, а королевских почитателей, – старалась не замечать до крайних, дозволенных приличиями,

пределов, такое отношение было не лишено приятности. Ну а если мне все же надоедало людское общество, достаточно было лишь подать знак Юлле – и я могла сколь угодно в одиночестве наслаждаться седыми волнами, соленым ветром и теплым, уверенным рокотом железного чудища под ногами.

Сейчас Юлла стояла в двух шагах от меня, бдительно надзирая за перегрузкой нашего багажа в присланный из отеля экипаж. Особого труда ей это не составляло – несмотря на царящую у пристани толкотню, вокруг нас без всякой магической помощи образовалось пустое пространство, причем у Юллы оно было на добрых два локтя больше. Я не обижалась – обычных эльфов местные жители наверняка должны были видеть хотя бы на картинках, а вот темную полуэльфку с великанской родней явно встречали впервые. К тому же манера моей спутницы прятать правую руку под плащом, под черными складками которого явственно угадывалось нечто угловатое, и тяжелый взгляд ее желтых глаз способствовали тому, что вокруг нас пока не собралась толпа зевак.

Я же, в свою очередь, с любопытством разглядывала все вокруг.

Меня всегда поражали человеческие города. Я могу понять прагматиков-гномов, которые не приступят к возведению своих подземных чертогов, не распланировав их предварительно до последнего камушка. С эльфами такое невозможно – ни один Первородженный не потерпит ничьих приказов в столь важном деле, как *создание* жилища. Максимум, на что он способен, – это прислушаться к советам... или сделать вид, что прислушивался. В одном не приходится сомневаться, его *делони* либо органично вольется в общую гармонию *каллингое*, либо сгорит вместе со своим безутешным создателем – но непременно ярким белым пламенем. Люди же...

Это выглядело, словно какой-то очень юный бог вывалил на землю мешок пустых спичечных коробков, слегка разровнял образовавшуюся кучу, а потом, внезапно охладев к своей забаве, умчался прочь по своим божественным делам. Коробки же обнаружило одно экзотическое – с разноцветными брюшками – племя муравьев, не умеющих строить нормальные муравейники. Они замостили щели между коробками песком, выложили соломенные тротуары, заткнули дыры в коробках кусочками стрекозиных крыльев – но ничего не сумели поделать с тем, как коробки были рассыпаны изначально. Восхитительная симфония Хаоса... от которой у меня, похоже, начала кружиться голова.

Впрочем, нет – простое лицемерие домов, домишек, лачуг и хибарок вряд ли довело меня до такого состояния. Но мы были в порту, а это, среди прочего, означало жутчайшую какофонию как звуков – от лошадиного ржания до паровозных гудков, – так и запахов. Среди запахов преобладали «ароматы» навоза, немытого – причем весьма продолжительное время – человеческого тела и рыбы. До этого дня я и представить себе не могла, что рыба может издавать подобное амбре, разве что в качестве защитной меры – этот запах вполне способен был заставить любую чайку вывернуться наизнанку.

Сознание я не потеряла. Валиться без чувств на отходы конюшни и сосновую щепу недостойно ее высочества. Я всего лишь слегка прикрыла глаза и качнулась чуть вперед – этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы Юлла в тот же миг оказалась за моей спиной.

– Что случилось?

– Ничего, – я попыталась восстановить равновесие. Не слишком удачно – не оказись за моей спиной опоры, непременно бы шлепнулась. Новеньким плащом, зеленым снаружи и пепельно-белым изнутри, из двойного паутинного шелка, пропитанного настоем на пыльце фей, вышитого, залятого... испорченный плащ бы мне Хранитель Лаир точно бы не простил.

– Сейчас поедем, – Юлла в очередной раз оглянулась по сторонам, подолгу задерживая взгляд на чем-то видимом лишь ей одной – не то, чтобы у меня были поводы жаловаться на собственное зрение, но пронзать взглядом человеческую толпу подобно заговоренной стреле я пока не научилась. – Ты сможешь идти сама?

– Да... наверное.

– Тогда иди!

Замечательно. Любой из помянутых мной в-упор-не-замечающих-меня слуг в подобной ситуации, как говорят люди, в лепешку бы расшибся, чтобы дотащить полуживую принцессу до кареты – хоть магией, хоть на руках. Не от великой любви, разумеется, а просто чтобы помянутая принцесса не сумела уронить себя, а заодно и высокое достоинство правящего Дома перед каким-то человеческим отребьем. Но не Юлла – у нее немедленно нашлись куда более важные дела.

Я так и не сумела пока решить, радоваться ли мне тому, что из всех Неусыпных Стражей эллорн Хальгар, не раздумывая ни мгновения, избрал для этой миссии именно ее, или наоборот – величаво биться в истерику. Скорее все же первое – все же мы с Хальгаром всегда были в прекрасных отношениях. Кровь в его жилах тоже течет далеко не чистой – но, поскольку их Светлое Величество предпочитает иметь не истинно традиционную, а очень эффективную личную охрану, ревнителям обычаев приходится мириться и с тем, что ее возглавляет чуть ли не полукровка, вдобавок почти треть жизни проведенный вдали от родных мэллорнов, и с тем, с какой легкостью этот полукровка, как говорят люди, дает пинка под зад представителям древних родов, умеющим лишь стоять беломраморными статуями опричь Высокого Трона. А взамен набирает всяких сомнительных субъектов, которые порой – о, ужас! – даже и не эльфы вовсе.

Впрочем, отпрысков истинно благородных и древних родов среди его подчиненных тоже немало. И, хотя они порой и делают вид, что смущаются, когда им начинают пенять за потеки оружейного масла на руках или плохо припудренные синяки, но при любой попытке задеть их командира немедленно теряют весь лоск и начинают прибегать к выражениям из лексикона своих собратьев по оружию – преимущественно людей и гномов.

О самой же Юлле, если не считать не нуждавшихся в особых подтверждениях сплетен о ее происхождении, я знала лишь то, что сам эллорн Хальгар ценит ее весьма высоко – должность лидера младшего созвездия соответствовала человеческому гвардейскому лейтенанту, при том, что сам Хальгар именовался в людских газетах капитаном. И что стражники-гномы прозвали ее демоном-разрушительницей, а стражники-эльфы, в свою очередь, боевой машиной-убийцей.

На корабле мне так и не удалось толком пообщаться с ней. Несколько моих попыток завязать подобную беседу во время прогулок на верхней палубе были вежливо, но решительно пресечены под очень странным предлогом – Стражница заявила, что «вокруг слишком много лишних ушей». Учитывая, что ближайший пассажир находился в добрых трех десятках локтей от нас – или же палубой ниже, – ее слова показались мне несколько странными. Возможно, она имела в виду рыб – но, насколько известно мне, эти существа лишены какого бы то ни было подобия ушных раковин.

В отведенной же для нее каютке рядом с моими апартаментами мне не удалось застать Юллу не единого раза – уже через полминуты после ужина она исчезала «незаметно пошнырять по кораблю», как она небрежно выразилась в первый вечер на борту «Германика». Каким образом чернокожая эльфийка, на полторы головы выше ростом среднего человека, может проделывать это «незаметно», так и осталось выше моего понимания. Конечно, остается еще соответствующая магия...

В любом случае, я прямо-таки жаждала, чтобы откровенный разговор между нами состоялся как можно скорее – и как только запахи порта окончательно выветрились из моей головки, попыталась начать его самым, как мне в тот момент показалось, естественным вопросом:

– Что ты все время высматриваешь?

– Оглянись.

Последовав совету Юллы, я всего лишь заработала очередной приступ головокружения – от зрелища десятков карет и сотен, нет, тысяч, существ, помноженных на свои отражения в зеркальных витринах.

– Две кареты и трое всадников, – пояснила Юлла в ответ на мой жалобный писк. – Они держатся за нами от самого порта.

– Но зачем? – удивилась я.

– Чтобы знать, куда мы направляемся.

– Они не умеют читать?

На этот раз удивляться пришлось моей спутнице:

– С чего ты решила?

– Но ведь на карете большими буквами написано название отеля, – сказала я. – И в нее загрузили наш багаж. Разве нельзя догадаться, что именно в этот отель мы и направимся.

Улыбка, которая появилась на лице Юллы после этих слов, мне не понравилась. Так улыбаются... скажем, глядя на несмышленного щенка, оставившего лужу на сияющем мраморе тронного зала.

– Они умеют читать, – сухо произнесла Юлла. – И умеют догадываться. Просто те люди, что следят за нами, не привыкли основываться на догадках – они желают *знать*. И быть твердо уверенными в этом знании. И потом, в *их мире* то, что вещи путешественника отправлены в какой-то отель, может означать как раз обратное – то, что он там никогда не появится.

– Почему?

– Думаю, – после недолгой паузы сказала Юлла, – ответ на этот вопрос тебе придется немного подождать. Он длинный. Очень.

Я заткнулась.

Отель выделялся среди окружающих его коробок размерами – семиэтажная серая громадина на, как не преминул бы уточнить любой гном, тысячу номеров. Впрочем, гном также постарался бы вымерять все возможные измерения этого здания снаружи и изнутри, попробовать на вкус камни, известку, штукатурку, и все это лишь затем, чтобы в очередной раз убедиться, что ничто, построенное не гномами, не может и близко сравниться с творениями подземных коротышек.

В просторном холле с мраморным полом и ослепительным электрическим освещением сидело человек пятьдесят, примерно такое же число вместительных плевателей было расставлено вокруг. То, что последние занимали свое место вовсе не зря, я почувствовала еще в дверях.

Мы преодолели примерно половину пути к широкой, устланной красным ковром лестнице, когда из дверей – судя по шуму, клубам табачного дыма и запаху спиртного, это был бар – прямо на меня вылетел человек. Миг спустя он уже лежал у моих ног – а оседлавшая его Юлла пыталась завязать его руки двойным морским узлом.

– Доволь... ай... хва-а-а...

– Оставь его, – вздохнула я. – Столь нетрезвое создание неспособно совершить даже убийство таракана.

Юлла выполнила мой приказ «с довеском», не только отпустив несчастного, но и вернув ему – одной левой, без всяких видимых усилий! – вертикальное положение. Обретя свободу, человек, теперь я смогла разглядеть, что это был мужчина лет тридцати, поправил воротник сорочки, отчего тот еще более перекосялся, и манерно раскланялся.

– Благодарю за спасение, о прелестная эльфийская дева.

Признаюсь, я удивилась – по моим представлениям, человек со столь высоким содержанием спирта в выдохе не мог бы простоять на ногах и двух ударов сердца, не говоря уже о том, чтобы произнести связную и соответствующую обстановке фразу.

Видно, эта же мысль посетила и Юллу, потому что та немедленно развернулась к незнакомцу боком, а угловатый предмет под плащом приобрел еще более угрожающие очертания.

Человек это заметил.

– Прошу вас, черная богиня, не надо делать из меня решето, – рассмеялся он. – Хотя я и не боюсь этого столь же сильно, как остальные в этом зале, но все равно залечивание дыр от пуль – чертовски долгое и утомительное занятие. Право, я и без того готов хоть десять раз признать себя побежденным. Николай Рысьев к вашим услугам, – отрекомендовался он и после неумовимой паузы добавил: – Граф. Потомственный. Вампир.

– Вы из Трансильвании? – с любопытством спросила я.

Человек скривился.

– Нет. Из Сибири.

– Сибирь – это в России, там, где холодно? – уточнила я свои географические познания.

– Да, – кивнул вампир. – Особенно зимой.

– А... – начала было я.

– Прошу прощения, граф, – неумовимым движением Юлла вклинилась между нами. – Но мы спешим.

– Понимаю... и не смею вас задерживать, – граф отвесил еще один поклон. Невероятно – но все его движения были четкими, выверенными и прекрасно скоординированными. Похоже, рассказы наставника Умхара о нестойкости людей к спиртному нуждаются в корректировке... по крайней мере, применительно к сибирским вампирам.

– Надеюсь, вы все же позволите мне питать надежду, что следующая наша встреча будет не столь скоротечна?

– При условии, – настойчиво подталкиваемая Юллой, я все же попыталась выдать Николаю одну из своих «коронных» ослепительных улыбок, – если она не начнется с того же, что и эта.

– Это невозможно! – выкрикнул вампир вслед мне. – Любой, кто видит вас, прекрасная леди, немедленно оказывается у ваших ног.

Мы должны были остановиться в лучшем номере отеля. Наверное, решила я, приступая к осмотру своих новых владений, это и впрямь обстоит именно так – анфилада комнат, каждая из которых была больше всех моих покоев в королевском дворце. В гостиной можно устраивать приемы на сотню гостей, на кровати в спальне – кавалерийские смотры, а на столе в столовой...

Увидев поднос посреди стола, Юлла недобро прищурилась. Меня жехватило лишь на то, чтобы не завизжать.

Широкий серебряный поднос был залит густой красной жидкостью, из которой торчала головка небольшого зверька с крупными, на полмордочки, глазами.

– К-кто это?

– Лемур, – наклонившись, Юлла рывком выдернула из-под подноса не замеченный мной вначале лист бумаги. – Хм-м. Любопытно. И весьма занимательно.

– Лемур?

– Некоторое время назад, – поучающим тоном произнесла стражница, – английский натуралист по имени Чарльз Дарвин выдвинул теорию, согласно которой все гуманоидные расы произошли от различных видов обезьян. Гномы – от макак, люди – от горилл, ну а эльфы, соответственно, от лемунов.

Даже не знаю, что меня удивило больше – то, что Юлла сумела сделать подобный вывод, или тот факт, что она вообще слышала о создателе эволюционной теории. Среди Перворожденных подобная теория, разумеется, не могла пользоваться популярностью – хотя некоторые особо нахальные юнцы не преминули возможностью похихикать над тем, что она теория отнюдь не отменяет того факта, что чьи-то предки слезли с родных пальм на пару эпох раньше прочих.

– Но зачем?

Вместо ответа Юлла протянула мне найденный лист. Надпись поперек него была сделана крупными печатными буквами различной степени кривизны и гласила следующее: «Эльфы, уберите домой!»

– Занятно, правда?

– Не вижу пока ничего занятного, – ледяным тоном произнесла я.

– С виду все сделано так, чтобы представить дело выходкой каких-нибудь безумных эльфоненавистников, – сказала Юлла, отбирая бумагу назад.

– По крайней мере, – осторожно заметила я, – писал это человек явно малограмотный.

– Быть может, – скептически отозвалась Юлла. – Но делал он это на качественной и отнюдь не дешевой бумаге. Чистый лист «Верже» не найдешь на помойке.

– Ты разбираешься в сортах бумаги? – поразила я.

– Ровно настолько, чтобы отличить велюровую от вельветовой. Дальше – надпись сделана не дешевой синькой и даже не кровью, а отличной тушью. Корявые буквы – и при этом ни одной помарки или кляксы. Все линии одинаковой толщины, четкие и уверенные...

– Достаточно, – жалобно попросила я. – Я уже поняла, что сказала глупость.

– И, потом, – неумолимо закончила Юлла, – вовсе не обязательно, чтобы писавший был человеком. Эльф или гном также вполне способен намалевать эти буквы... кстати, это может объяснить, почему они получились такими корявыми при всех прочих деталях.

– Ясно, – убито кивнула я.

– Меня, – Юлла скользящим кошачьим шагом обошла вокруг стола, – куда больше занимает этот бедолага-лемур.

– А что с ним не так?

– То, – присев, стражница принялась внимательно изучать нижнюю часть столешницы, – что его сородичи не висят на каждой ветке в окрестных лесах. Я навидалась этих тварюшек в Африке и Южной Америке... но в здешних широтах он – редкостная диковинка. А у таких диковинок обычно имеются хозяева.

– Может, его убили уже давно? – предположила я, втайне надеясь, что Юлла подтвердит это предположение – мысль о том, что несчастный зверек умер из-за меня, была почти невыносимой.

– Не думаю, – безжалостно обрушила мой хрустальный замок Юлла. – Кровь еще не успела свернуться. Да и в любом случае его надо везти минимум несколько недель – а несколько недель назад даже Его Величество не ведал о предстоящем нам путешествии.

– Талантливая пророчица... – начала было я и осеклась, услышав очередной скептический хмык.

– Талантливая пророчица могла бы сразу объяснить своим хозяевам, что подобные дешевые фокусы не произведут на нас ни малейшего впечатления, – сказала Юлла. – Конечно, есть еще и телепортация... чертовски дорогое удовольствие... и не так уж много магов владеют межконтинентальными расстояниями. Нет, телепортировать они могли разве что этот поднос из номера этажом ниже... хотя тоже вряд ли – эти номера прекрасно защищены от магического воздействия, и пробивать здешнее охранное заклинание... намного проще и дешевле подкупить пару слуг.

Самое же интересное, – продолжила она, – что, хотя подобные надписи не такая уж редкость на стенах в людских городах, даже самым тупым людям обычно не приходит в голову призывать эльфов вернуться *домой*. Ибо даже они помнят, сколько нынешних людских городов стоит на фундаментах наших дворцов.

– Может, этот... это существо было особо тупым?

– Или его не устраивает любое другое направление нашего отбытия, – отрезала стражница, выбираясь из-под стола. – В любом случае, одной вещи автор этого послания добился.

– Какой же?

– Продемонстрировал нам, что в этом отеле мы не можем чувствовать себя в безопасности, – пояснила Юлла. – И потому мы не останемся в нем ни одной лишней минуты... а всего их у нас десять.

– Но, – я растерянно оглянулась назад, на высыющуюся посреди гостиной гору багажа. – За десять минут...

– Мы не успеем разобрать и половину этой груды, – кивнула Юлла. – Кроме того, это барахло сковывает нас по рукам и ногам. Мы оставим его здесь.

– Все?!

– Почти, – спокойно отозвалась Юлла, явно не оценив должным образом исторгнутый мной из глубин души возмущенный вопль. – У тебя есть что-нибудь менее броское, чем те наряды, в которых ты щеголяла на пароходе?

– Два охотничьих...

– Изумительным образом подходящих к единорогу, – усмехнулась моя спутница. – Именно это я и предполагала. Пошли, – отрывисто скомандовала она. – Думаю, у меня найдется кое-что... на подобный случай.

Кое-что оказалось форменной полевой курткой Порубежной Стражи – из прочнейшей гномьей ткани «*кортек*», знаменитой своей односторонней водонепроницаемостью и нежнейшей подкладкой из *тнииаа* – мха, который... впрочем, неважно! – обшитой немислимым количеством разнокалиберных ленточек и лоскутиков всевозможных оттенков зеленого, – и такими же брюками. Нашлись и *алоты* – с толстенной кожаной подошвой и высоким замшевым голенищем. Поскольку вся эта одежда явно подходила Юлле разве что в нежнейшем детстве, я сделала логичный вывод, что моя спутница изначально запланировала устроить сей маскарад при первом же удобном случае. Который не замедлил представиться.

– Плащ оставь, – предупредила Юлла, с ожесточением – другого слова я подобрать не могла – роясь в багаже. – Это твои охотничьи одеяния?

– Да.

– Лови. Понесешь сама. Что еще нам может потребоваться, по-твоему?

Я тоскливо покосилась на небольшую зеленую сумку у своих ног – именно в ней и находилось все то, без чего наша миссия теряла всяческий смысл, – на лежащие чуть поодаль Огонек в походных ножнах и разобранный «до поры» боевой лук, и перевела взгляд на груды оставшихся вещей. Подумать только, я ведь не успела даже примерить и трети всех нарядов, и теперь вряд ли когда-нибудь вновь получу такую возможность. Разве что наша миссия увенчается столь оглушительным успехом, что Его Величество установит персонально для меня табурет из кости дракона одесную Высокого Трона и наречет Первой-Из-Дев, Истинной Перворожденной – и дюжиной подобных титулов.

– Свитки? – их мне было особенно жалко оставлять.

– Они нам *действительно* необходимы?

Несколько долгих секунд я боролась с мучительнейшим соблазном.

– Нет.

– Тогда бросаем все! – разгибаясь, подытожила Юлла и, перехватив мой преисполненный тоски взгляд, успокаивающе заметила: – Ничего страшного. Все вещи будут отправлены обратно в целостности и сохранности, а если пропадет хоть одна цацка из шкатулок с драгоценностями... или даже одна перламутровая пуговица с розового ночного халатика, я лично вернусь сюда и вытрясу из здешнего управляющего всю его жалкую душонку – думаю, он об этом подозревает.

– И куда же мы пойдем? – я, наконец-то, догадалась задать этот весьма немаловажный вопрос.

– Вниз.

Просто и непонятно. Я уже успела заметить, что моя спутница любит отвечать в подобном стиле. Как бы отучить ее от этой пагубной привычки?

Бренда Карлсен, призрак-в-ночи

Солнце зайдет меньше чем через три часа. И, как только это случится, вампиры выползут на охоту. Или не выползут – в зависимости от того, насколько была удачна охота вчера и как хорошо Хозяин гнезда контролирует своих обращенных.

Была бы у меня собственная команда... или хотя бы один толковый помощник! Ну да глупо мечтать о несбыточном. Лучше заняться тем, что...

Треск ветки в полусотне ярдов от меня был, наверное, едва слышен, но для меня он прозвучал громче пушечного залпа. Старший Брат словно сам по себе оказался в руке, хищно нащупывая круглым зрачком ствола источник звука. Полуприсев, я осторожно передвинулась к выходу из ложбинки и выглянула наружу.

Никого.

Конечно, это мог бы быть и зверь, но лично я в своих расчетах всегда привыкла исходить из худшего. В гнезде минимум двое тварей должны были быть нечувствительны к солнечному свету – сам Хозяин и его Первый Слуга. А, значит, один из них вполне мог бы оказаться сейчас здесь – и это было бы весьма неприятным исходом, потому что к бою с Хозяином я в этот момент была решительно не готова. Хорошо, если получится достать его пулей, но ставить все на один-единственный удачный выстрел не в моих правилах, а второго мне сделать никто не позволит.

Поэтому я тихонько перебралась к противоположному выходу из ложбинки, и, проборотав самую короткую, которую только сумела вспомнить, молитву святой Бригитте, выскользнула наружу.

Странно, однако, что не сработал амулет. На таком расстоянии он должен был почувствовать даже новообращенного, а при приближении самого Хозяина и вовсе скакать кузнечиком.

Вдобавок тот, с кем я сейчас намеревалась обменяться ролями в пьесе «охотник – жертва», похоже, не шевелился с тех самых пор, как наступил на ту, счастливую для меня, ветку. Что опять же отнюдь не характерно для той категории кровососов, которая представляет для меня интерес – имея в перспективе бесконечные века бессмертия, они при этом в большинстве своем не обладают даже минимальным запасом терпения. Тактика затаиться и ждать – не для них. Они предпочитают атаковать с ходу, обычно даже не пытаясь прикинуть соотношение сил, и, как правило, не успевают сообразить, что спастись бегством также уже не удастся. Рамон, помнится, уверял меня, что это проистекает из-за того чувства глубочайшего презрения, которое питают кровопийцы к простым смертным людям. Не знаю, так ли это на самом деле, но в любом случае эта черта вампиров значительно облегчает жизнь представителям моей нынешней профессии. Приобрести они привычку таиться в засаде, как это делает тот, кто сидит сейчас где-то в лесу передо мной – и я бы, наверное, начала задумываться о других способах заработать на хлеб насущный... если бы успела.

С другой стороны, все, возможно, гораздо проще – вампиры, сумевшие сохранить достаточно высокий уровень интеллекта, просто-напросто настолько хорошо – как же это называл Рамон? – ах да, интегрировались в общество, что вряд ли когда-нибудь попадут в список разрешенных к охоте.

Тень-тень-тень, я просто тень... беззвучно двигающаяся в такт порывам ветра, растворяющаяся в длинных черных силуэтах деревьев, исчезающая в кустарниках. Меня здесь нет... здесь вообще никого нет, лишь ветер шумит в кронах. Ты ведь не различаешь цвета, тебе не дано наслаждаться великолепием дарованных Господом нашим этому миру красок, мой клыкастый друг. Для тебя мир состоит лишь из тьмы и оттенков серого, а свет ненавистного солнца отточенным лезвием режет по твоим глазам – и мой плащ на этом фоне всего лишь еще одно

серое пятно. Ты не можешь различить его и не видишь... не видишь, я знаю. А еще я знаю, где тебя найду.

Припав к стволу дерева, я медленно вытянула шею, вглядываясь в едва заметное пятнышко впереди – затем тихо выругалась, опустила «бизон» обратно в кобуру и продолжила свой путь – только на этот раз в три раза быстрее.

Тот, за кем я охотилась, не заметил меня – потому что был очень занят. Он, привстав на цыпочки, так увлеченно всматривался в кустарники за ложбинкой, что я смогла, почти не таясь, подойти к нему со спины и резким, взрывным движением левой руки рвануть его на себя – предварительно наглухо запечатав рот правой.

– Тихо, bonita, – прошептала я, глядя в широко распахнутые – и до краев полные ужаса! – глаза Марии. – Сейчас я уберу руку. Но, если ты издашь хоть один звук, сверну шею. Поняла?

На самом деле я вовсе не собиралась проделывать подобную операцию над этим худосочным цыпленком, хотя, должна признаться, разозлила меня девчушка изрядно. Битых десять минут изображать из себя тролля на тропе войны, немилосердно пачкая одежду и срывая ногти – ради какой-то малолетней дурехи?! Так пусть хоть испугается хорошенько!

Похоже, этой цели мне достичь удалось – судя по тому сдавленному подобию писка, который издала Мария, когда я убрала руку.

– Б-б... Б-б-р... Бренда! – лишь третья по счету попытка выговорить мое имя получились у малышки более-менее удачной. – Это ты!

– Нет, это Святой Рохас! Видишь, какой у меня нимб над головой? И крылья? Ах, да, прости, с крыльями вышла промашка – пока я ползала по кустам, скрываясь от тебя, они слегка утратили райскую белизну!

– Я-я...

– Ты, – жестко сказала я, – просто маленькая безмозглая, – в последний момент я вспомнила, какими эпитетами меня награждал в чем-то схожей ситуации мой первый старший команды, Мартин Эстерхази, – и закончила фразу вовсе не тем словом, каким собиралась первоначально, – негодница!

– Бренда, я...

Девчонка оправилась от испуга, на удивление, быстро – так что я, на всякий случай, снова запечатала ее ротик ладонью.

– Ты хоть понимаешь, что мы обе могли погибнуть из-за тебя? – спросила я, и, истолковав изумленно распахнутые глаза и невнятное бульканье, как отрицательный ответ, пояснила: – Если бы за тобой увязался вампир, то он бы заметил меня и, пока я тратила время, выслеживая тебя, спокойно зашел бы ко мне за спину.

– Он и сейчас может напасть?

– Нет, – стращать девчонку еще больше я не собиралась. – По крайней мере, на милую вокруг.

– П-прости меня.

– У твоего отца есть ремень?

Забавно, но этот простой вроде бы вопрос поставил мою пленницу в тупик.

– Ремень, – повторила я. – Полоска кожи, которая не позволяет штанам валиться на землю. Один в вашей деревне точно есть – у лавочника. У твоего отца есть такой же или он подпоясывается обрывком веревки?

– Кажется, есть, – неуверенно отозвалась девчушка. – Но он лежит вместе с праздничной одеждой на самом дне бабушкиного сундука. Отец достает этот наряд только четыре раза в год – на Пасху, на день основания деревни, на Рождество и на...

– Жаль, – вдохнула я, – что он не делает это почаще. Потому что у меня есть очень большое желание снять свой и, не сходя с места, восполнить этот пробел в твоём образовании.

Возможно, я бы и впрямь проделала это, не будь мой ремень нашпигован уймой серебряных заклепок и нашлепок. Однажды мне довелось им воспользоваться – против нечисти, но не той, за которой я охочусь, а нечисти рода человеческого. Лохматый урод, обладатель гнилых зубов и ржавого «ремингтона», решивший было, что два ярда между девушкой и ее кобурами – достаточный повод, чтобы, гнусно скалясь, потребовать от нее скинуть штаны. Это требование я выполнила, а остальные он выдвинуть не успел – удар ремня лишил его глаза и большей части кожи с правой стороны лица. Урод улетел в костер, загорелся и с диким воем начал носиться по поляне. На то, чтобы утихомирить его окончательно, мне пришлось истратить пол-обоймы «снарка».

Можно, конечно, выломать прут... или ветку кактуса...

– Прости меня, пожалуйста, – всхлипнула девчушка. – Я вовсе не хотела... не хотела помешать тебе.

– Угу, – мрачно кивнула я. – Не хотела. Но помешала. Ладно уж... воробушек. Пошли.

– К-куда?

– Назад в деревню, разумеется. Все равно, – я покосилась на зависшее над лесом солнце, – сегодня я уже ничего путного сделать не успею.

– Прости меня, – в третий раз повторила Мария. – Я... я... хочешь, я пойду по этому лесу ночью, а ты сможешь дождаться, пока вампир кинется на меня...

– И оторвет твою глупую вихрастую головку, – закончила я. – А мою голову оторвет твой отец... или монсеньор Аугусто. Хотя нет, епископ – человек пожилой, он, скорее, поручит эту обязанность одному из секретарей. Ценю твоё желание помочь, но ты никак...

Я осеклась и, прищурившись, одарила создание в разноцветной юбчонке новым, оценивающим взглядом, от которого девчушку едва не бросило в дрожь.

Рискованно, конечно, – но, с другой стороны, это шанс покончить с гнездом за одну ночь. И убраться из этой проклятой дыры, не задерживаясь ни одной лишней минуты.

А еще – это шанс спасти чью-то жизнь.

– Ты и вправду хочешь мне помочь? – серьезным, деловым тоном спросила я. – Очень хочешь?

Побледнев, Мария зачем-то оглянулась назад, прикусила нижнюю губу и медленно кивнула:

– Да.

Ну, хорошо.

Я огляделась вокруг в поисках подходящей для моих замыслов ветки – не слишком толстой и не очень высоко от земли. Несколько подходящих оказались на кусте в паре шагов от нас. Хрясь – и на месте одной из них остался отличный заостренный сучок.

– Протяни руку, – скомандовала я Марии, доставая нож.

При виде хищно блеснувшего клинка девчушка побледнела еще больше, почти сравнявшись цветом лица с полированной сталью. Но все же у нее хватило смелости шагнуть вперед и протянуть мне правую руку ладонью вверх... измаранную почти до локтя.

– Нет, так дело не пойдет, – вздохнула я. – Покажи-ка левую... все ясно. Bonita, ты их моешь когда-нибудь?

– Это только сегодня, – виновато сказала Мария. – Мы с мальчишками играли в... то есть они играли, а я...

– А ты им в этом помогала, – закончила я, пряча нож и доставая из нагрудного кармана рубашки маленькую плоскую фляжку с ирландским бренди отца О'Райли. – Стой смирно.

Ценой дюжины глотков мне удалось расчистить примерно пять квадратных дюймов на левом запястье девчонки от нескольких слоев грязной глины.

– Так-то лучше, – проворочала я, закручивая колпачок. – А теперь... – я наклонила голову и, продолжая цепко сжимать запястье, изумленно уставилась за спину Марии. – Что это еще за хрень?

– Где? – испуганно вскрикнула девчушка, пытаясь обернуться. – Ай!

– Поздно, – улыбнулась я, опуская нож.

– Ай, – повторила Мария тоном тише, с удивлением глядя на быстро набухающие яркие капли. – Знаешь, а ведь почти не больно!

– Знаю, – кивнула я. – Это называется «хорошо заточенное лезвие». Таким можно провести по горлу, а человек лишь через... эй, bonita, не вздумай валиться в обморок! Ты ведь не какая-то городская сеньорита! И держи руку над сучком – первая кровь должна попасть на него!

– Зачем?

– Все должно выглядеть естественно! – пояснила я. – Ты шла по лесу, случайно напоролась на сучок, а потом...

– Что потом?

– Побежала в деревню. И мы с тобой сейчас пойдем именно туда. Только, – предупредила я, – держи руку на отлете, так, чтобы не капало на одежду. Она у тебя и без того достаточно измарана. Да и незачем напрасно тратить кровь – ее у тебя не бочка.

– А много нужно будет крови? – озабоченно спросила Мария.

– Надеюсь, что не очень, – я огляделась по сторонам. – Как только найду подходящее место...

Подходящее место обнаружилось минуты через три – поваленное вихрем дерево с совершенно замечательной ямой на месте бывших корней.

– Отлично, – вслух заметила я. – Становись вот сюда... да, руку держи именно так, пусть натечет лужица. Тебе стало плохо, ты оперлась об этот корень, а потом – это было самое слабое место в моих рассуждениях, но проверить его можно было лишь на деле – потом упала и через этот вот корень сползла в яму. Давай руку.

– А это что? – осведомилась девчушка, глядя, как я безуспешно пытаюсь вытрясти на приготовленный лоскут желтоватую, остро пахнущую массу из крохотного флакончика... массу, кажется, загустевшую к чертовой... ага, получилось!

– Кровоостанавливающее, – я аккуратно прижала лоскут желтым пятном к надрезу и стянула концы «морским» узлом. – Экстракт из листьев... впрочем, неважно, у вас оно все равно не растет. Но для нас, – улыбнулась я, – важно также то, что эта мазь обладает еще очень сильным запахом, который нравится кровососам примерно так же, как нам с тобой – аромат свежего дерь... навоза.

– Наверное, я не буду говорить родителям, что это ты порезала меня, – серьезно сказала Мария. – Скажу, что и в самом деле напоролась на сучок, когда шла по лесу. Правда, это грех...

– Не переживай, bonita, – примерившись, я ловко уронила свою шляпу на взъерошенную макушку своей юной помощницы – и девчушка вновь утонула в ней так, что из-под полей остался виднеться лишь самый кончик носика. – Я поговорю с отцом О'Райли, и он непременно отпустит его тебе, как только появится в вашей деревне.

Глава 5

Иллика аэн Леда, принцесса на экскурсии

– Ты здесь когда-нибудь бывала?

Мне приходилось трудно. Теперь, когда Юлла не считала нужным подстраиваться к моему шагу... разумеется, до настоящей усталости мне было далеко, я все же хоть и принцесса, но эльфийская. Просто я пыталась одновременно успевать за стражницей, старательно крутить головой, пытаясь разглядеть и запомнить как можно больше подробностей Города Гномов, и при этом не забывать удерживать нижнюю челюсть в закрытом состоянии, а вот проделывать все это одновременно было не так-то просто.

– Нет.

– Тогда как же...

– Они похожие.

Мы миновали еще один зал, свернули в коридор с выложенными зелеными плитами стенами, прошли по узенькому мостику, символические перильца которого, на мой взгляд, явно не соответствовали масштабу пропасти под ним, свернули еще два раза – этот зал был отделан янтарем и был многолюднее, точнее, многогномнее прочих – и, пройдя еще полсотни шагов, оказались перед массивной дверью, деревянная основа которой почти не проглядывала из-под начищенных бронзовых полос. Никакого колокольчика, колокола, звонка или стенобитного орудия поблизости от двери не наблюдалось.

– Интересно, – вслух предположила я. – Сами гномы стучатся в нее лбами?

– Нет, – усмехнулась Юлла. – Для этого у них есть обухи топоров.

Продемонстрированный ею в следующий миг прием из арсенала Стражи – мой наставник по традиционному эльфийскому рукобою именовал его по-старинному вычурно: «Удар копытом единорога по голове» – как мне показалось, ничуть не уступал хваленым гномским топорам по производимому эффекту. По крайней мере, на миг я вполне серьезно испугалась за целостность... нет, не двери. Стены.

Похоже, кто-то по ту сторону ворот пришел к схожим выводам, потому что едва моя спутница начала разворачиваться для второго удара, как изнутри донесся торопливый лязг отодвигаемых засовов, и дверь с неожиданной для ее вида легкостью приоткрылась, – ровно настолько, чтобы выпустить наружу молодого и очень нарядного гнома в сизом с радужным кафтанчике и с внушительных размеров коричневой кобурой на боку.

– Вам, здоровякам, что, негде больше оббивать грязь с ваших сапог? – с вызовом начал он, уперев кулаки в бедра. – Или вы умеете читать только собственные кривые каракули, а надписи, сделанные на более почтенных языках, уже не различаете?

– Какие надписи? – искренне удивилась я.

– Какие-какие – рунные, – буркнул коротышка, вглядываясь в меня, и чуть более мягким тоном добавил: – Прямо перед твоим носом... красотка.

Присмотревшись, я и впрямь различила среди прочих избыточно украшавших бронзовые полосы завитков знакомые изгибы рун Старшей Речи, без особого труда сложившиеся в крупное: «Не стучать!» – и, полосой ниже, чуть более мелко: «Собакам, лошадям и китайцам вход воспрещен!»

– Нам нужно к Торку! – заявила Юлла.

Гном попытался встретиться с ней взглядом – для этого ему пришлось задрать свою ухоженную бородку параллельно полу – и подбоченился еще больше.

– Всем нужен Торк, – гордо заявил гном. – Но, если вы думаете, что он, забыв обо всем на свете, примчится сюда по зову первого же...

Он осекся, потому что Юлла неуловимым движением сцапала кончик его бородки и, дернув ее чуть вверх, заставила бедолагу-гнома захлопнуть челюсть.

Обычно с коротышками подобные трюки не проходят – или заканчиваются весьма плачевно для проделывающей их руки, а если гном окажется не в настроении, то и для прочих конечностей. Стоит гному своими кулачищами лишь слегка сдавить запястье... но секунды текли, на обоих вцепившихся в руку моей спутницы кулаках явственно проступили жилы, а единственным видимым результатом стало то, что сафьяновые сапожки гнома оторвались от пола.

Трое... нет, уже четверо гномов, спешивших мимо по своим неведомым делам, остановились и начали заинтересованно следить за развивающимся действием.

Юлла широко улыбнулась и, наклонившись к начавшему уже выпучивать глаза гному, шепотом – который, впрочем, наверняка можно было без труда расслышать на противоположной стороне зала, – произнесла:

– Если ты *немедленно* не сообщишь уважаемому Торку, сыну Болта, сына Шкоута, что к нему явилась Юлла, дочь Хеймурга, то я *немедленно*... – следующее употребленное моей спутницей слово не значилось ни в одном из известных мне словарей Старшей Речи, но я вполне догадалась о его значении, – тебя в центре этого зала. Ты меня *понял*?

Гном все еще испытывал проблемы с произнесением звуков, но постарался максимально компенсировать это мимикой.

– Хорошо понял? – уточнила Юлла.

– Да-а, – прохрипел гном. – Уже бегу. Только отпусти, а?

Насчет «уже бегу» он не шутил – сафьяновые сапожки начали семенить еще до того, как коснулись пола. Миг – и гном уже исчез за дверью, а лязг задвигаемых засовов на этот раз слился почти в один звук.

Оглянувшись – зрителей стало уже девять, причем расходиться они не собирались, явно надеясь на последующее продолжение, – я придвинулась поближе к Юлле и тихонько спросила:

– Ты серьезно?

– Что?

– Ну, про это самое, – хоть я запомнила употребленное стражницей слово, но при одной мысли о его произнесении все мое предыдущее воспитание намертво блокировало голосовые связи, – в центре зала.

– Конечно, нет, – отозвалась Юлла. – Размазать его по потолку было бы намного проще. Эти коротышки на самом деле вовсе не такие шикарные любовники, как о них рассказывают, – на миг она задумалась, и, с какой-то странной интонацией добавила: – По крайней мере, в одиночку. Всемером еще куда ни шло.

– Семь гномов, – пораженно прошептала я. – Но...

Картина, немедленно нарисованная моим воображением, была настолько... немислимой, что, заслышав очередной лязг, я едва успела отскочить в сторону – на этот раз дверь распахнулась полностью, просвистев окованным краем в какой-то паре дюймов от моего лба.

Появившийся на этот раз гном был наряжен в забавный бархатный кафтанчик, темно-зеленый, с салатового цвета буффами. С виду он был в два раза старше своего сизо-радужного коллеги, но держался при этом не в пример почтительнее. Кобуры, в отличие от предшественника, на нем видно не было, но, обзаведясь уже кое-каким опытом, я обратила внимание, что кафтанчик под правым плечом чуть оттопыривается, как раз рядом с длинной горловиной обычного вроде бы кармана.

– Достопочтенная дочь Хеймурга, – провозгласил он, старательно отвешивая поклон, который я, чуть поколебавшись, классифицировала как «уважение третьей степени, оказываемое при неофициальных приемах особ, приближенных к монархам надгорных держав». – Советник Торк желает немедленно лицезреть вас, – гном закончил разгибаться, узрел меня и, миг поколебавшись, тем же торжественным тоном закончил: – И вашу спутницу.

Я еще успела услышать дружный разочарованных вздох собравшихся зевак – а потом захлопнувшаяся дверь наглухо отгородила нас от шумов общей залы.

– Прошу, – гном повел рукой в сторону зеленого ковра, изображавшего – с типичной для наших рас скрупулезностью – цветущую лесную поляну. И одним лишь изображением дело не ограничивалось – провалившись на первом же шаге по щиколотку в пушистый ворс, я почувствовала запах доброй полусотни знакомых трав, услышала краем уха гудение шмелей, чириканье птах, звон ручья в полулиге к северу...

– Дверь советника в конце зала прямо перед нами, – напутствовал нас гном. Сам он вслед за нами на ковер вступить не решился, наверное, не желая лишний раз осквернять подобное произведение искусства и магии прикосновением подошв своих сапог. Если дело обстояло именно так, то я понимала его – этот ковер был воистину великолепен. И совершенно не гармонировал со статуями из серого камня, взиравшими на нас из многочисленных ниш по обеим сторонам зальчика. Все они изображали великих и, как я искренне надеялась, давно почивших гномов, ибо если эти несчастные и поныне продолжают столь мрачно глядеть на окружающий их прекрасный мир, то мне остается лишь от всего сердца посочувствовать им.

К моему удивлению, советник Торк не был в два раза старше гнома в зеленом кафтане – по крайней мере, больше чем в сто сорок лет я определить его возраст не смогла. Когда Юлла пинком распахнула дверь его кабинета, он начал было приподниматься из-за массивного морионового стола, но, увидев меня, жалобно простонал и упал обратно в кресло.

– Не-ет!

– Что случилось, Торки? – участливо осведомилась Юлла. – Я ведь еще и не начала говорить.

– Что бы ты ни сказала, – буркнул гном, уставясь невидящим взглядом в наши отражения на полированном камне, – добром это не кончится.

– Ты же еще ничего не знаешь...

– Не знаю! – взвился советник. – О нет, я знаю... другой вопрос, что до последнего мгновения я гнал это знание прочь, надеясь, что Тралла все же не повернулась к своему верному слуге своей самой необъятной частью тела. Или ты скажешь, что эта эльфийка за твоей спиной – не принцесса Иллика аэн Леда? Долженствующая выполнить некую невероятно важную миссию?

– А тебе-то какое дело? – мгновенно насторожилась Юлла.

– Какое-какое... никакого! – проворчал гном. – Мне лично. А вот Третьей Его Подземных Чертогов Величества Канцелярии очень даже какое. И Совету Старейшин, в особенности старому пню Корнелиусу... – Торк осекся и, озабоченно покосившись на выложенный яшмой потолок, продолжил тоном тише: – У меня полстола, – гном кивнул в сторону высившихся по правую руку от него бумажных холмов, – завалили телеграммами, едва вы отчалили от туманного Альбиона.

Я открыла было рот – и немедленно, не издав ни звука, захлопнула его обратно.

Тайная миссия, о которой было известно лишь самым доверенным... защищенная всеми мыслимыми магическими способами... может, проще было самим разослать объявления в десяток лондонских газет?

– И что, – обманчиво спокойным голосом осведомилась Юлла, – содержится в этих телеграммах?

– А тебе так вот сразу все и скажи? – прищурился гном.

– Торки! – в голосе Юллы начали появляться угрожающие нотки. – Не забывайся. Ты не хуже меня *знаешь*, чем обязан твой клан моему отцу... и как следует платить *подобные* долги.

– Не учи меня, с какого конца браться за кирку! – огрызнулся гном. – Я помню *все*... иначе бы вы со своей зеленоглазой тростинкой тут бы не стояли. Но, коль уж мне придется из-за тебя лезть голыми руками в горн, могу я хоть зад напоследок разок-другой почесать?

– Хоть до костей, – улыбнувшись, примирительным тоном сказала Юлла. – На самом деле я вовсе не такая злобная тварь, какой ты меня воображаешь. И, если, конечно, ты будешь вести себя хорошо – а это, среди прочего, включает в себя понятия «честно» и «откровенно», – то я даже постараюсь помочь тебе выпутаться из этой истории. Не могу обещать, что с прибылью, но и не лишившись последней пары сапог.

– Таким бы хлебалом, да медку, – буркнул Торк, продемонстрировав знакомство с фольклором своих древесных сородичей. – Давай уж, валяй.

– Ты бы хоть сесть гостям предложил.

– Ага. Вы уже и так сели... на мою шею. Валяйте, продолжайте, – тоскливо сказал гном. – Чувствуйте себя как дома... сигару? Кубинские, семь долларов штука... или коньяк? Лимонадов, извините, не держим-с, равно как и мороженого, но стоит тебе лишь пожелать...

– Не паясничай, Торки, – скривилась Юлла, подходя к столу гнома. – Что в тех телеграммах?

Придерживая ножны Огонька, я осторожно присела на краешек стула. Ткань обивки оказалась на удивление приятной на ощупь, а само сиденье – мягким, так что я позволила себе продвинуться на большую площадь, а чуть погодя – и вовсе откинулась на спинку.

– Ваше подробное описание. Дата прибытия, – гном презрительно хмыкнул, – будто я сам в расписание «Белой Звезды» заглянуть не догадаюсь, где остановитесь... ну и, само собой, список предполагаемых эльфийских резидентов – опять же, будто не я же его им каждый квартал отсылаю. Правда, они в него еще два десятка имен добавили, но вот что занятно – семерых из них в этом городе никогда и в помине не было, а трое – я даже не поленился перепроверить приказал, – уже, самое меньшее, лет по пять на кладбищах лежат и вставать вроде не планируют.

– А твое имя в этом списке значилось?

– Нет! – отрицательно мотнул головой Торк. – И не могло... Это... ну как бы тебе понятнее объяснить... непересекающиеся плоскости, вот!

Краем сознания я отметила, что утверждения наставника Умхара про неспособность гномов понять идеи Лобачевского, видимо, весьма близки к истине. Нашей расе все же больше повезло с абстрактным мышлением.

– О Долге твоему отцу знают все, – продолжал Торк. – По крайней мере, все те, кто хотел бы об этом знать. Но Долг Клана и то, чем занимается Третья Канцелярия, – они существуют как бы отдельно друг от друга. Гном, составлявший список, мог бы вписать в него последнего людского пьянчужку, которому ты однажды кинула шиллинг, если бы прознал о нем – но не меня. Наш Кодекс...

– Хватит, – небрежно махнула рукой Юлла. – Не стоит в очередной бесконечный раз пытаться приобщить меня к «Топору-и-Кирке». Ты явно не лучше зануды Гвиля... кстати, как там старый пенек?

– Как всегда, преотлично, – хмыкнул гном. – А что ему сделается? Сидит в своем гроте, хлещет бочонками эль и нудит, как хреново быть живой легендой в самом расцвете сил.

– Знакомая картина, – кивнула Юлла. – Увидишь в следующий раз – передавай ему три больших «кря» от Большой Черной Непоседы.

– Чтob он поперхнулся и забрызгал меня элем с ног до головы? – возмутился Торк. – Не уж, я лучше воспользуюсь достижениями цивилизации и пошлю ему поздравительную каблограмму от твоего имени... после того, как спроважу тебя с глаз долой.

– Собственно, – задумчиво сказала Юлла, – именно за этим я к тебе и явилась.

– Да уж не затем, чтобы вручить мне орден Двойной Кирки, – язвительно заметил гном.

– Я серьезно, Торки. Что в телеграммах приказано лично тебе?

– Следить. Глаз не спускать.

– Мешать, значит, приказа не было.

– Нет. Но, буде таковым мешательством займутся иные заинтересованные стороны, препятствий оным не чинить.

– Ясно, – кивнула моя спутница. – Тогда могу тебя поздравить – ты только что с успехом завершил свое задание.

– И каким же, позволь узнать, образом? – недоверчиво осведомился гном.

– Таким, что ты прямо сейчас можешь отправить своему начальству ценнейшую информацию, которой пока не располагает никто из конкурентов. О том, что порученные твоему надзору особы в ближайшее же время планируют отбыть в следующий пункт своего путешествия. Экспрессом. Вашим экспрессом, подземным.

– Ловко придумано, – кивнул советник. – Может, ты мне еще и станцию назначения скажешь?

– Нет, – осклабилась Юлла. – Настолько далеко мое расположение к тебе, Торки, не стирается. Ты выдашь мне литер.

– Ты хоть знаешь, во сколько обходится эта голубенькая бумажка негному... – затянул было Торк, но, натолкнувшись на пристальный взгляд моей спутницы, осекся и, тяжело вздохнув, закончил: – Впрочем, тебе это нисколько не интересно.

– Умненький гном, – довольно произнесла Юлла, отходя от стола. – Понятливый. Недаром в советники выбился.

– Что-нибудь еще? – с отсутствующим видом осведомился Торк, разворачиваясь к высившемуся справа от него секретеру из черного дерева с множеством ящичков. – Например, ключи от хранилища местного филиала «Лепрек-Банка»... мою мантию советника... Луну с неба?

– Сущие мелочи, – небрежно сказала Юлла. – Что-нибудь из ваших игрушек для моей спутницы – вдобавок к той зубочистке, что есть у нее сейчас...

Рукоять Огонька немедленно отозвалась на эти слова обиженным тычком в ладонь. В первый миг я сама едва не поддалась этому порыву, но, осознав нелепость могущей последовать сцены, опомнилась и принялась успокаивать клинок, ограничившись твердым намерением в ближайшее же время разъяснить Юлле недопустимость подобных высказываний.

– Этого добра у нас навалом, – Торк выдвинул сразу четыре ящичка и озадаченно уставился на их набитое разноцветными бумажками нутро. – Свистну Эгилю, он проводит вас в коридор к Оскинору... тот наверняка подберет ей чего-нибудь по руке... небольшое, легкое и так, чтобы целиться особо не приходилось... в общем, дамское.

– ...и человеческую одежду.

Нацелившаяся было на середину стопки одного из ящичков рука гнома замерла в воздухе на полдороги к цели.

– А вот с этим, – медленно произнес Торк, – могут возникнуть небольшие проблемы.

– Какого рода? – настороженно осведомилась Юлла.

– У нас, под землей, – советник махнул рукой в сторону двери, – как ты могла бы заметить, живет не так уж мало людей. Но и не настолько много, чтобы устраивать ради них отдельное заведение по торговле человеческим тряпьем. Потому как тем из них, кто желает обновить свой гардероб, достаточно подняться на пару сотен ярдов вверх – а это они и без того проделывают достаточно регулярно. Скажу даже больше, – Торк покосился на лацкан своего строго коричневого сюртука и, нахмурившись, аккуратно снял с него длинный рыжий волос. – У нас нет подобного магазина и для нас самих. Потому как те наши собратья, которые отдают предпочтение наперстку и иголке перед кайлом и ювелирным пинцетом, также живут наверху

– поближе к своей основной клиентуре, ибо их профессия требует личного контакта куда в большей степени, чем добыча руды. Причем, – добавил Торк, покосившись на меня, – как я понимаю, для этой крас...

– Торки!

– ...самой прелестной из всех когда-либо виденных мной леди, – быстро поправился гном, – столь схожей по описанию с принцессой Илликой аэн Леда, тебе нужна будет женская одежда? Боюсь, что с этим будет еще сложнее. Если для тебя мы кое-как сумеем отыскать среди наемных рудокопов пару-тройку подходящих по габариту, то она вряд ли может перевоплотиться в чумазого мальчишку даже под страхом... э-э, укорачивания прически.

Мне стоило больших усилий остаться неподвижной – правая рука так и порывалась ринуться вверх, чтобы убедиться в том, что мои волосы все еще находятся на прежнем месте. Нет, я, конечно, представляла, что для достижения Великой Цели придется пожертвовать многим, нести лишения и все такое, – но *мои волосы*?!

– Были б у меня пара часов и хороший гримировальный набор, – мечтательно произнесла Юлла, – я бы, Торки, с удовольствием заложила на твою шляпу, что... ну да неважно. Ты прав, для нее нужна женская одежда.

– Которой сколько угодно в пятистах футах от тебя, – фыркнул гном. – Вертикально вверх. Не хочу хвалиться, но *мой* чек в самом изысканном магазине верхнего города будет принят с восторженным повизгиванием.

– Не подходит, – отрицательно качнула головой Юлла. – Даже если ты пошлешь одного из твоих шустриков со снятыми мерками – все равно не подходит. И времени на это нет. Думай, Торки, думай, докажи, что ты по заслугам попираешь своим седалищем *это* кресло.

– Еще неизвестно, – проворчал гном, теребя бородку, – останусь ли я в нем после... твоего «дружеского» визита.

– Ну же, Торки?! Где в городе гномов можно найти человеческих женщин?

– Где-где... – раздраженно отозвался советник. – В борделе! Их у нас целых пять.

* * *

– Так это, мисс эльфийка, я вам еще раз доподлинно советую – когда Мастер Оскинор начнет чегой-нибудь говорить, то ради всех Подгорных Богов не удумайте с ним спорить приниматься. А то ведь был у нас в позатом году случай – пришел к нему клиент, из людей, но по части упрямства форменный тролль. Поспорили они насчет одного стволика – нитроэкспресс 655, как сейчас помню – ну и слово за слово... а у Оскинора в его отнорке позади мастерской пещерка есть, прямой такой коридор ярдов на сотню, где он контрольные отстрелы проводит. Вот там-то они и стали друг напротив дружки, Мастер Оскинор и клиент евойный. Я так, мисс, понимаю, что клиент тот еще и насчет пуль оскиноровых сомнение выражать изволил, потому как наверх его потом доставляли в тачке – то, понятно, что собрать сумели.

В провожатые советник Торк выделил нам того самого юного – по гномьим меркам юного – привратника, в сизом с радужным кафтанчике, который первым открыл перед нами дверь. Звали его, как он поведал нам, убедившись, что Юлла не собирается приводить в исполнение свою угрозу, несколько нетипичным, на мой взгляд, для гномов именем Санчо... а еще, на мой взгляд, он был несколько излишне... словоохотлив.

– Мы запомним, – ответила вместо меня Юлла. – И в беседе с Мастером Оскинором будем вести себя кротко, как лани.

Санчо с сомнением покосился на Юллу – но приподнятые уголки рта моей спутницы могла разглядеть лишь я, для гнома же ее лицо должно было показаться воплощением невозмутимости – и, опасливо вздохнув, ступил на нижнюю из трех мраморных ступенек перед дверью из матово-черной стали. На прикрепленной к двери сверкающей, начищенной медью

табличке золотисто поблескивала одна-единственная руна – пожалуй, самая известная из всех символов Старшей Речи: «Оружие».

Признаюсь, при словах «гном-оружейник» мое сознание рисовало образ полуобнаженного, бугрящегося узлами могучих мускулов крепыша с опаленной бородой, стоящего у пышущего жаром горна. Или, по крайней мере, в мастерской, где столы, стены и даже потолок усеяны сотнями смертоубийственных приспособлений, а от запаха разогретой стали, масел и пороха голова начинает кружиться еще за дюжину шагов от порога.

Разумеется, я ошибалась. Хотя вышеперечисленные запахи и наличествовали, но они оставались далеко на заднем плане, перебиваемые ароматом тропических цветов – каждая из служивших им жилищем терракотовых ваз была произведением искусства сама по себе, – в три яруса расположившихся вдоль всей правой стены кабинета Мастера Оскинора. Справа из застекленных полок сочился тонкий запах книжной пыли, и при виде нескольких потемневших от времени тиснений на корешках из драконьей кожи я с трудом удержалась от тоскливого вздоха.

Сам же Мастер Оскинор больше всего напоминал старого клерка одного из гномьих банков в Сити, разве что устилавшие его стол листы были покрыты не ровными цепочками цифр, а исчерканы линиями десяти различных цветов, источником которых, по всей видимости, послужила вытянутая вдоль края бронзовая чернильница, изображавшая группу водоносок.

Затем Мастер поднял голову – и я немедленно изменила свою первоначальную оценку. Два льдисто поблескивающих полированной сталью кружочка под седыми кустистыми бровями никак не могли принадлежать существу, всю жизнь занимавшемуся лишь переноской закорючек с одного листа на другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.